

ВЛАДИМИР МАЛИНОВСКИЙ

КАСАТИК

**ТВЕРЬ
Золотая буква
2004**

ГЛАВА ПЕРВАЯ МЕДВЕДИХА И ЕЁ ОБИТАТЕЛИ,

люди, как явствует из нижеизложенного, малопьющие, но многоинтеллигентные

Странная это была деревня Медведиха. Раскинулась она на взгорье, выпукло и упруго поднявшемся из земли, среди взъерошенных лесом холмов и лоскутных полей. И была эта Медведиха центральной усадьбой колхоза "Вперед к коммунизму". По правде говоря, не всегда так назывался этот колхоз. Ходят слухи, что в начале тридцатых, когда вся страна вздыбилась в припадке коллективизации, местный крестьянин, некто Спиридон Козлов предложил назвать данное хозяйство "Красным муравейником". Предложение это было всеми с восторгом принято и даже одобрено высшим районным начальством. Но уже совсем скоро, перед самой войной, Спиридон Козлов сгинул где-то на Соловках, а красочное и сочное название колхоза было заменено бесцветно-серым, казенно-прикладным.

Но дело, конечно, не в названии и даже не в Спиридоне Козлове, а дело в том, что время от времени происходило в этой деревне нечто крайне непонятное и даже чудесное, что далеко не всегда можно было объяснить примитивными законами физики. Одниходили в этом бесовское, другие, а их было абсолютное большинство, напротив, божественно-ангельское. Да и могло ли быть место бесу в деревне, где стояла удивительная церковь со сказочными синими в ярко-золотистых звездах маковками. Подобно соску на упругой девичьей груди, венчала она собой деревенский холм, гордо возвышаясь над серенькими бревенчатыми домишками.

Священствовал в сей церкви отец Серафим, в миру Даниил Заплаткин. И был он тоже удивительным человеком, поскольку приобщился к Господу Богу на высоте десяти тысяч километров, когда, будучи военным летчиком, вспарывал поднебесье острым клювом сверхзвукового истребителя-убийцы. Кроме того, обладал отец Серафим восхитительной медно-красной гривой, плавно переходящей в такую же густую проволочную бороду.

Спустившись на землю и получив приход в Медведихе, Даниил Заплаткин тихо запил. Возможно, произошло это вследствие ухода его из Поднебесья, а значит, удаления от Господа Бога, возможно и потому, что окружала Медведиху удивительная природа, располагающая к мирозерцанию. А мирозерцание каждый из нас понимает по-своему...

Паству отца Серафима составляли не только окрестные полуглухие старушки, но и люди интеллигентные, зачастую не вписывающиеся в общий ряд. И в этом также не было ничего удивительного, потому что служила Медведиха местом ссылки спившихся интеллигентов из больших и высококультурных городов. А многие умные и незаурядные люди приезжали сюда и добровольно, понаслышавшись о лесных красотах Медведихи, а также о местной речке с яснозвонким названием Пречиста-Каменка, изобилующей всякого рода рыбой, а также большими раками.

Вся эта спившаяся и ещё не успевшая спиться интеллигенция частенько коротала вечера у бывшего профессора, а ныне бодрого пенсионера Николая Ивановича Солнышкина. Здесь они обсуждали качество местной водки, называемой почему-то "Придворной", с этикеток которой нагло-похотливо глядела дама в высокой причёске, а также спорили о всякого рода мировых проблемах. В ходе этих высокоинтеллектуальных дискуссий водка, как правило, выпивалась вся и признавалась мерзкой, а мировые проблемы совершенно неразрешимыми, ведущими ко всякого рода катаклизмам. А поскольку сейчас на улице тёплый июльский вечер и из окон домика Николая Ивановича Солнышкина несётся веселый гвалт, зайдём и мы к бывшему

профессору, а ныне здравствующему пенсионеру. Скромно постоим у порога и послушаем, о чем говорят умные и многоинтеллигентные люди.

ГЛАВА ВТОРАЯ

БЕСЕДА ПЕРВАЯ

умных и многоинтеллигентных людей "О человеке"

- Скажите, Петр Петрович, вы могли бы покрыть свинью... - неожиданная отрывка, более похожая на рев, оборвала фразу и бросила тщедушного и весьма пьяного заведующего сельским домом культуры Льва Абрамовича Кениса на заставленный закусками стол.

- За такие разговоры, Лев Абрамович, можно и по морде! - дубоватый, но прямолинейный председатель колхоза "Вперед к коммунизму" Петр Петрович Лихобабенко отставил стакан с водкой и даже привстал с табурета.

Когда-то, будучи ещё желторотым зоотехником, брякнул Петр Петрович с высокой трибуны районного совещания, что их колхоз богат молоком и яйцами. Молоко сразу куда-то ушло. Остались одни яйца. С тех пор, если кто-нибудь переспрашивал собеседника: "А кто такой Лихобабенко?", то неизменно получал ответ: "Это тот, что богат яйцами". Петр Петрович это знал и болезненно воспринимал даже малейший намек на свое богатство.

- Я не то хотел сказать, - поспешно заблеял восставший из салатов Кенис. Я хотел сказать, что уже сейчас ученые могут все; даже покрыть свинью шерстью.

- Идиоты, - незлобиво вставил отец Серафим, наполняя граненый стакан водкой.

- Кто идиот?! - уставился на него Лев Абрамович.

- Ученые - идиоты, - мягко пояснил батюшка.

- Почему? - Кенис сбился на визгливый фальцет.

- Потому, - по-прежнему миролюбиво пояснил отец Серафим, - что какое бы открытие не сделали ваши хваленые ученые, оно тут же оборачивается противу всех. Человек похож на трехлетнего пацана, которому дали в руки заряженный автомат. Вот он и палит, - батюшка нацепил на вилку соленый огурчик, - во все стороны...

- Так уж и во все, - перестал жевать и обидчиво поджал губы бывший профессор, - Я вот где-то читал, что человек достоин технологии, похожей на чудо. А разве свинья, покрытая шерстью, или, скажем, клубника на полюсе - это не чудо? Человек становится Богом. Он уже не создает. Он созидает!

- Николай Иванович! - отец Серафим с досадой крикнул и влил в лужёную глотку добрый стакан "Придворной". Затем с хрустом раскусил огурчик, пожевал немного, наклонив голову, точно к чему-то прислушиваясь, и вдруг, обращаясь к Солнышкину, неожиданно спросил:

- У вас есть на огороде капуста?

- Есть, - оторопело кивнул профессор.

- Так вот, - задумчиво продолжил батюшка, - Продайте, Николай Иванович вашу капусту, и на вырученные деньги езжайте в Италию. Там! - вдруг громыхнул он так, что сидящие за столом вздрогнули, - в Сикстинской капелле посмотрите заблуждения величайшего из великих - Микеланджело. Человек - Бог! Человек над Космосом! - батюшка сделал театральную паузу и тихо продолжил: - Засранец ваш человек. Он и в сортир-то не может сходить без разрешения матушки своей Природы.

- Позвольте! - снова послышался пьяный фальцет.

- Заедьте также в галерею Уффици, - не обращая внимания на возмущенного Кениса, продолжил отец Серафим, - и хотя бы одним глазком взгляните на Боттичелли "Рождение

Венеры". - взор его затуманился отрешенно. - В этой картине все: радость появления на свет, сладость Божьего мира и печаль неизбежной смерти. Микеланджело лгал. Боттичелли говорил правду. - Отец Серафим замолчал, некоторое время грустно смотрел на опустевшую бутылку "Придворной" и затем просто закончил, - А суть, ребята, заключается в том, что, покушаясь на божье, люди берут на себя непосильную ношу. И если человек одевает свинью в баранью шубу, то, поверьте, это одинаково плохо и для свиньи и для человека...

За столом на минуту воцарилось молчание. Все то ли были поражены глубиной мысли отца Серафима, то ли уже одурели от "Придворной". Затянувшуюся тишину, громко икнув, прервал Лихобабенко. Все тут же повернулись к нему.

- Я с вами совершенно согласен, - порозовел от всеобщего внимания Петр Петрович, - Несмотря на большое развитие науки в природе ещё много загадочных явлений. Взять хотя бы нашу Медведиху. Намедни конюх Лумумбу Иванович видел сияние, а потом что-то полетело. Я думаю, это НЛО.

- Накушался он, - скромно заметил Николай Иванович, - об этом вся деревня знает.

- А летел в него чугунок, который баба его запустила, - дополнил пьяный Кенис, - это НЛО так его по башке долбануло, что он до сих пор забинтованный ходит.

- Значит, НЛО - это чугунок, - засмеялся Лихобабенко. - А я и не знал, - Петр Петрович смеялся все громче и громче, так вкусно и заразительно, что вначале недоуменно глядевшие на него собеседники невольно заулыбались и стали ему вторить. Вскоре из открытого окна домика Солнышкина гремел такой хохот, что соседская коза Машка, дожевывавшая в огороде Николая Ивановича капусту, предназначенную для командировки в Италию, испуганно заметалась вдоль забора.

Между тем смеркалось... Гости, ещё немного покалякав о том о сем и решив, что сегодня водка как никогда была мерзкой, начали расходиться по домам. Отправимся и мы, но не домой, а в чистое поле, туда, где пребывает колхозный конюх Лумумбу Иванович Сивоглазов, о котором совсем недавно всуе упоминалось за дружеским столом.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

УДИВИТЕЛЬНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ,

случившееся с колхозным конюхом Лумумбой Ивановичем Сивоглазовым

В нескольких километрах от Медведихи по песчаной хорошо укатанной дороге, скрипя и покачиваясь, ехала телега, влекомая старой кобылой Нюркой. В телеге на хрусткой соломе возлежал колхозный конюх Лумумбу Иванович Сивоглазов.

Лумумбу Иванович вовсе не был негром или мулатом. Непривычное же русскому уху имя он получил при следующих обстоятельствах.

Когда в семье Сивоглазовых случилось прибавление, отец семейства Иван Иванович, также работающий в колхозе конюхом, ушел в веселый запой. А поскольку Сивоглазов-старший, понаслушавшись радио, был страстным сторонником освобождения Черного Континента, то незамедлительно потребовал назвать новорожденного Лумумбой. В ЗАГСе посмеялись, но просьбу его удовлетворили.

В дальнейшем Лумумбе Ивановичу жилось нелегко. Не раз приходилось ему отстаивать свои африканские корни в драках. Но он категорически отметал любые попытки называть его как-либо по-иному. Он был Лумумбой и гордился этим...

Лумумбе Ивановичу мучительно хотелось выпить. Утолить жажду можно было в любую минуту, но слишком свежи ещё были воспоминания о происшествии, случившемся несколько дней тому назад. Тогда Сивоглазов выпил совсем немного: одну, но никак не более двух бутылок "Придворной" и вышел на крыльцо собственного дома для того, чтобы, как всегда, помочиться на нагло выперший рядом с тропинкой огромный лопух. Потомственный конюх вяло-

расслабленным взором окинул окрестности. Рука его привычно потянулась к ширинке. Как вдруг Лумумбу Ивановича будто толкнули. Он поднял голову и... Сначала глаза его недоуменно расширились, затем побелели, наконец, ужасающий вопль сотряс воздух: "А-а-а! Сволочи! Что творят, гады!"

То и дело спотыкаясь, весь дрожа, как в лихорадке, Сивоглазов засеменял в избу и, размахивая руками, заорал: "Граня! Родная! Инопланетяне к нам, падлы, летят! На баранке!" И тут случилась беда. Супруга Аграфена Васильевна, от которой Лумумба Иванович за долгие годы совместной жизни не слышал худого слова, то ли обрадовавшись прилету инопланетян, то ли испугавшись родного мужа с вывалившимися из штанов гениталиями, вдруг истерично завизжала и с непонятно откуда взявшейся сноровкой метнула чугунок... Сивоглазов упал, как подкошенный серпом колос.

Лумумба Иванович потянулся в телеге, дотронулся рукой до марлевой повязки, перехватывающей голову и поморщился. Воспоминания были не из самых приятных... Сивоглазов с опаской посмотрел на ночное небо. Оно было лилово-бархатным и приятно ласкало глаз. Никаких баранок на небосклоне не предвиделось. "Бог не выдаст, свинья не съест", - решил, наконец, конюх и рукой приглушил тусклый бутылочный блеск...

Теперь торопиться и вовсе было некуда. Сивоглазов вольготно развалился в телеге и, предоставив кобыле плестись, как ей вздумается, уставился в быстро темнеющий небосвод.

На небе то здесь, то там неприметно загорались звездочки. Сначала звездочки были блеклые, но по мере того, как темнело, они разгорались все сильнее. Особенно яркой была одна крупная звезда. Телегу раскачивало на ухабах и Лумумбе Ивановичу казалось, что он плывет по ночному небу. Это впечатление усиливалось тем, что большая звезда увеличивалась и разгоралась все ярче. Неприметно для себя Сивоглазов задремал.

Снилась ему разная дребедень. Кобыла Нюрка, фыркающая и косящая глазом, ела из ясель овес. Затем на нюркиной морде начали быстро отрастать усы и она стала вылитым Петром Петровичем Лихобабенко. Петр Петрович страшно повел глазами и заорал гулко: "Ты опять нажрался, Сивоглазов! А лошадь где?! Где лошадь?! Я тебя спрашиваю!" Но тут же он снова превратился в Нюрку и укоризненно заржал, тоскливо глядя на Лумумбу Ивановича.

Холодный пот прошиб Сивоглазова. Он застонал и открыл глаза. С минуту конюх в замешательстве смотрел перед собой, ничего не понимая. Затем закричал и вскочил на телеге. Лумумба Иванович смотрел вверх. Там, в ночном небе, медленно вращалась уже знакомая ему огромная баранка. Баранка была хорошо пропеченная, с золотистым отливом, а зернышки мака по её бокам располагались в правильном шахматном порядке.

Послышался тихий свист. Золотистая баранка стала медленно вращаться над ошалелым конюхом, всё более увеличиваясь в размерах.

Волосы у Сивоглазова встали дыбом. Он закричал изо всех сил и хлестнул кобылу Нюрку вожжами. Старая Нюрка, едва тащившая телегу, остановилась в недоумении. Впервые за долгие годы хозяин ударил её. Но удары, один хлесте другого, сыпались на лошадиный круп. Тогда Нюрка взбрыкнула задом, хряпнула по телеге, так что та затрещала, и понесла...

Телега мчалась по ровной, как стол, дороге. Лумумба Иванович кричал что-то невнятное, хлестал и хлестал лошадь, страшась посмотреть вверх. Только пролетев около километра, он осмелился поднять глаза. Но тут же в ужасе опустил их. Баранка стала гигантской. Конюх со своей кобылой находился в самом её центре и мчался к золотистому, сияющему боку, на котором маковые зернышки уже превратились в черные горошины.

Это было последнее, что довелось увидеть Лумумбе Ивановичу. Что-то треснуло в бешено мчащейся телеге. Конюха подбросило и, как ненужную пробку от бутылки, швырнуло в придорожную канаву...

...Очнулся Сивоглазов от того, что рядом куковала кукушка. Кукушка куковала хрипло и устало. Казалось, сейчас она допоет свою занудливую песню и отдаст богу душу. Лумумбу Иванович лежал на продырявленном диване в своей избе. На стене громко тикали ходики. Это из них вылетала занудливая кукушка. Стрелки показывали половину девятого. Солнышко брызгало в окошко яркими лучами.

"Проспал! - с горечью подумал Сивоглазов, - То-то все удивятся на работе: Лумумбу Иванович опоздал! В кои-то веки..." Он попытался вскочить с дивана, как это делал обычно, по утрам. Но тупая боль жгутом свила тело: "Граня! - простонал он". Однако тишину нарушало лишь мирное тиканье ходиков.

Скрипнула дверь. В сенях загремели тяжелые мужицкие сапоги. Мягко хлопнула входная, обитая войлоком. Сапоги прогрюкали по избе, и над Лумумбой Ивановичем склонилась усатая голова Лихобабенко.

- Ты опять нажрался, Сивоглазов! - председательские усы зловеще зашевелились. - А лошадь где?! Где лошадь?! Я тебя спрашиваю!

Хлопнула войлочная дверь, и Лумумбу Иванович наконец-то услышал легкие шаги Аграфены.

- Петр Петрович! Не трогайте его. Он больной. Всю ночь бредил. Какая-то баранка лошадь испугала.

- Какая баранка?! - усмехнулся Лихобабенко. - Которой он закусывал, что ли? - и зловеще заключил - В общем, так! Все убытки колхозу возместишь. А болеть будешь за свой счет.

Тяжелые сапоги прогромыхали по избе. Председатель ушел. И Лумумбу Иванович почувствовал, как жгучие капли падают ему на лицо. Это плакала Граня...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ ВЕСЕЛЫЙ БУЛЬТЕРЬЕР

и его веселые попутчики

По дороге, подминая черный асфальт, лихо мчался газончик-фургон с размашистой надписью на борту "Почта". Мимо пролетали телеграфные столбы, проплывали поля и перелески. Однако машина аккуратно тормозила у автобусных остановок, даже если "грачи" и не поднимали голосующих рук. Впрочем, попутчиков было немного. Лишь две девицы, изредка перекидываясь фразами, поглядывали в окошечко фургона. Очередной поворот, и жизнерадостный шофер чуть было не выпустил баранку из рук. На обочине стояло черт знает что.

"Черт знает что" выглядело просто и незатейливо. Из огромных армейских сапог, как из больших цветочных горшков, тянулись две ножки-тростиночки. Они срастались под семейными небесно-голубыми трусами, по которым весело пробегали ярко-зеленые молнии. Далее шел куций военный китель с полами, болтающимися чуть не под мышками владельца и драная, в ключьях серой ваты, шапка.

Словом, одет был голосующий незнакомец как вконец опустившийся бомж. Однако невольная оторопь брала свежего человека при первом же взгляде на его физиономию. Она одновременно напоминала и барана и добродушную собаку породы бультерьер. Вытянутая вперед горбатая морда поросычьими глазами уныло смотрела на дорогу.

"Точно противогаз всю жизнь не снимал, - мелькнуло в голове у шофера. - Такого брать нельзя". Но вопреки сделанному выводу к удивлению и даже страху водителя нога его как бы сама собой нажала на тормоз. Машина, мчавшаяся на всех парах, остановилась так резко, что в фургоне загрохотали ящики и послышался визг девиц.

- До Медведихи подвезешь? - голос Бультерьера то скрежетал, как железо по стеклу, то визжал циркульной пилой.

- Нет! - изо всех сил хотелось крикнуть шоферу. Но губы сами собой растянулись в доброжелательной улыбке. Он торопливо закивал головой и, зайцем сиганув из машины, суетливо побежал отпирать фургон.

- Прошу садиться! - молодцевато вытянувшись во фронт и не переставая самому себе удивляться, проорал шофер.

- Благодарю. Уже сел, - проскрежетало из глубины фургона.

Шофер ошалело оглянулся туда, где ещё секунду назад стоял бультерьерный попутчик. Затем сломался пополам и стал вглядываться в полумрак фургона. Бультерьер уже сидел там. Шофер затряс головой, точно отгоняя наваждение, и деревянной походкой отправился к кабине.

Между тем в фургоне жизнь была ключом. Противогазная рожа жизнерадостно знакомилась с девицами.

- Здравствуйте, девушки! А почему от вас хлебом пахнет?! - без каких-либо вступлений завизжал он пилорамой.

Девицы прыснули и залились смехом, будто им сказали нечто такое веселое, чего они в жизни никогда не слышали.

- А мы хлебопеки! - бойко ответила одна с лицом, сплошь усеянным веснушками, как солнечный бугор земляникой.

- Врете вы все, Глафира Лумумбовна! - радостно заорал веселый попутчик. - Вовсе вы не хлебопеки. А везете хлеб из райцентра. Потому что в вашем сельмаге хлеба нет. Только вы на этот раз ошиблись и купили хлеб с тмином, который вы совсем не любите.

- Ну и чутьё у вас, - жеманно вступила в разговор другая девица. - Только откуда вы знаете, как её зовут? Вы что уже встречались?

- Нет, не встречались! - снова забушевал бультерьерный попутчик. - Но за сегодняшнюю встречу я предлагаю выпить весь тройной одеколон, который Глафира Лумумбовна везет своему папашке Лумумбе Ивановичу для освежения. Лумумбе Ивановичу уже не надо освежаться. Он в пьяном виде грохнулся с телеги и весь переломанный лежит в больнице.

Новый взрыв идиотского хохота прокатился по фургону и, отдаваясь от стенок, захлестнул кабину. Шофер запрядал ушами и, скосив глаза, ещё сильнее нажал на газ.

- Ну и шутник же вы! - изнемогая от смеха, едва смогла выговорить Глафира Лумумбовна.

- А я вовсе и не шучу, - вдруг обидчиво загнул Бультерьер. - Я очень серьезный мальчик. А вы мне не верите, - огромная желто-зеленая сопля выпала из горбатого носа прямо на колени Глафиры Лумумбовны. Из поросячьих глаз покатались слезы, каждая величиной с грецкий орех. Все тело бедного Бультерьера затряслось от горестных рыданий. - А вы мне не верите! - в слезах и соплях повторял он. - Какие вы нехорошие!

Бультерьер трясся в рыданиях, а вместе с ним трясся весь фургон. Навзрыд плакали и девицы. В перерывах между всхлипываниями они наперебой утешали противогазную рожу, выражая немедленное желание не только опорожнить все одеколонные пузырьки Глафиры Лумумбовны и закусить тминным хлебом, но и даже налить какому-то неизвестному старшине пол-литра высококачественного тройного одеколону.

Неожиданно машина дернулась, как припадочная, и остановилась. От сильного рывка двери фургона распахнулись, и перед взорами пассажиров предстала стоящая на обочине желто-зеленая мотоциклетка с застывшим рядом с ней суровым старшиной-гаишником.

- Старшина Бардельеров. Ваши права! - сталью голоса резанул гаишник вывалившегося из кабины размякшего шофера. И тут шофер, тридцатилетний здоровенный мужик, зарыдал как пацан-первоклассник, впервые получивший двойку. Размазывая по лицу слезы и почему-то

дыша ужасающим одеколонным перегаром, он доверчиво припал к бронированной мундиром груди старшины.

- Простите! Простите! - сотрясаясь в рыданиях, бормотал шофер.

- Это не надо. Это зря, - дрогнула было броня. Но тут же ноздри старшины трепетно-хищно раздулись. - А что это от тебя, голубчик, одеколоном несет? Да ты, никак, пьян? И попутчицы тоже, - радостно заключил старшина, глядя на девиц.

С Глафирой Лумумбовной и её подругой, действительно, произошли разительные перемены. Они не только не плакали, но по-идиотски улыбались и, неприлично вихляясь перед гаишным старшиной, строили ему глазки.

- А это что? - старшина брезгливо ткнул пальцем в загаженное бультерьерными соплями платье Глафиры Лумумбовны и, вглядевшись пристальнее, неожиданно согнулся и сказал: "А-а-а!", - незамедлительно выbleвав на дорогу заботливо приготовленный супругой и съеденный завтрак, который содержал: два сваренных всмятку яичка, натуральный кофе "Арабика" со свежими сливками и очень вкусную копченую колбаску. Кроме того, из желудка строгого старшины выпали так же два бутерброда с ветчиной и сто пятьдесят граммов водки, употребленных контрабандой уже после завтрака, "чтобы служилось веселей". От всех этих доброкачественных продуктов, беспорядочно разбросанных по дороге, почему-то нестерпимо несло тройным одеколоном.

Картина на обочине образовалась довольно странная. Старшина усиленно блевал, не забывая милицейским жезлом останавливать все проезжающие мимо машины. Девицы откровенно ржали, виляли задами и тыкали в старшину пальцами. Шофер плакал навзрыд, то и дело вскрикивая: "Прости меня, мамочка!", - но почему-то обращался исключительно к блюющему старшине.

Между тем из остановленных старшиной машин выходили водители. Готовя по пути документы, они подходили к фургону и тут же застывали, опешив. Водители не замечали рваной шапки и куцего кителя Бультерьера, но с изумлением взирали на блюющего старшину и вихляющихся девиц. Некоторые спрашивали у Бультерьера: "А что происходит?" - на что тот или недоуменно пожимал плечами, или отвечал, что он сам не поймет, в чем дело и очень всем этим удивлен и даже обеспокоен.

Особенно был недоволен русским свинством один нерусский подданный. Он стоял, широко расставив кокосово-волосатые ноги-тумбы. И весь его толстый вид, включая переваливающийся через широкий ремень жирный живот, выражал такое брезгливое недоумение, что всем присутствующим было чрезвычайно стыдно за свою страну, свой флаг и за то, что они вообще когда-то осмелились появиться на свет.

Общее мнение сгрудившихся водителей было таково: "Так пить нельзя!" Особое удивление и даже омерзение вызывал старшина-гаишник, обожравшийся на халяву тройным одеколоном. А то, что пили тройной одеколон, не вызывало никаких сомнений. Масса одеколонных пузырьков валялась возле раскрытого фургона вперемежку с норно-выеденным тминным хлебом. Пузырьки были совершенно пусты, но с аккуратно завинченными пробками. Это ещё раз свидетельствовало о том, что все здесь перепились до полного умопомрачения, потому что завинчивать пробкой пустую посуду может только полный идиот.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ПЛАМЕННЫЙ ПРИВЕТ,

посланный незнакомцем Лумумбе Ивановичу Сивоглазову на больничную койку

Медсестра отдернула штору. Веселый сноп солнечных лучей ворвался в больничную палату и яркой волной залил лицо Сивоглазова. Лумумбу Иванович глухо застонал и нехотя приоткрыл глаза. Просыпаться не хотелось. Всего за несколько дней больница осточертела ему донельзя. Глаза не смотрели на казенную зелень стен. В ушах постоянно стоял скрип пролежанных, выдавших виды больничных коек. Не менее скрипучими оказались и соратники Лумумбы Ивановича по палате. Вечно они на что-то жаловались, перечисляли замысловатые названия болезней и редких лекарств и даже пытались вовлечь в свои занудливые разговоры потомственного конюха. Но Сивоглазов скромно отвечал, что он никогда ничем не болел, и только вот сейчас неудачно упал с телеги. На что один из соседей нехорошо ухмыльнулся и заметил, что для того чтобы упасть с телеги и переломать себе все ребра, нужно долго тренироваться.

Соседи отстали, но Лумумбе Ивановичу от этого стало не легче. Целыми днями лежал он на кровати и тупо смотрел в потолок. В таком положении ему предстояло оставаться ещё ни много, ни мало три недели. Об этом авторитетно заявила ему рыжая врачиха с выщипанными ниточками-бровями.

Непонятное раздражение нарастало. Сивоглазов злился на свою беспомощность, на дурацкие разговоры соседей, помешанных на болезнях и даже на крашеную врачиху. Масла в огонь подлила ещё и дочь Глафира. На днях она пришла в палату какая-то странная, взбалмошно-веселая и наболтала угрюмому папаше всякий вздор.

Во-первых, Глаша передала пламенный (именно так и было сказано со значением - "пламенный") привет от какого-то незнакомца, с которым она ехала в машине, и его пожелания скорейшего выздоровления. Во-вторых, опасливо оглядываясь, как будто делая что-то нехорошее, она тайно сунула отцу чудодейственное лекарство, которое, судя по этикетке, было обычным тройным одеколоном. Вела себя Глаша настолько необычно, что Лумумбу Иванович за все время свидания не проронил ни слова, а только удивленно во все глаза смотрел на дочь.

Когда Глаша ушла, в голову Сивоглазова полезли горькие мысли: "Что же это такое на белом свете творится? И кто из них двоих сошел с ума? Дочь? Или он сам?" На душе стало так гадко, что Лумумбу Иванович не выдержал и в сердцах швырнул Глашин пузырек в открытое окно. Душераздирающий крик послышался с улицы. Лумумбу Иванович в ужасе спрятался под вытертое одеяло.

Через минуту в палату ворвалась рыжая врачиха. Щеки её горели. Под глазом алела ссадина, предвестник огромного синяка.

- Кто?! - коротко взлаяла она и выбросила вперед руку со злополучным пузырьком.

Сивоглазов не мог видеть врачиху. Но по напряженной тишине, застывшей в палате, понял, что дело его дрянь. Когда же он почувствовал, что с него сдирают больничное одеяло, то и вовсе был готов провалиться сквозь землю.

- Ваше счастье, что вы пока не можете ходить! - взгляд врачихи, казалось, прожигал Лумумбу Ивановича насквозь. Она швырнула пузырек в постель и, стуча каблуками, точно вбивая ими гвозди, вышла.

После минутной паузы в палате послышалось едкое хихиканье. Это злорадствовали соратники Сивоглазова по больничной койке. С горя потомственный конюх вновь накрылся с головой одеялом и заснул крепко и беспробудно.

Проснулся Лумумбу Иванович от какой-то режущей боли в боку. Сивоглазов заворочался, нащупал рукой впившийся ему в ребра пузырек и уже собирался выбросить его в урну, но в последний момент остановился. Он отвернул пробку, понюхал и закрутил головой. Дочка наверняка свихнулась. В пузырьке действительно был самый настоящий тройной одеколон. Сивоглазов задумался, в общем-то, он пил только благородную водку и никогда не опускался до такой низости как одеколон, или, скажем, палитур, но настроение было до того отвратительным, что выбирать не приходилось. Лумумбу Иванович принял позу лежащего горниста и прильнул губами к горлышку...

Весь пузырек Сивоглазов все же не осилил. Осталось около половины. Одеколон против водки... В общем, никакого сравнения. Потомственного конюха передернуло, и он смачно плюнул на почти стерильный больничный пол. Слегка зевнул, думая заснуть... Как вдруг солнце взорвалось в его глазах. Тело пронзила острая, доселе неизведанная боль. Сивоглазов закричал, как полоумный, и стал проваливаться в черную гнетущую бездну.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

СВОБОДНЫЙ ПОЛЕТ

Лумумбу Ивановича Сивоглазова и пребывание его
на футуристическом острове

Постепенно тьма рассеивалась, и прямо перед глазами Сивоглазова смутно замаячила какая-то гадливо-странная физиономия. Остро-вытянутая вперед, напоминающая бультерьера, она нехорошо смеялась и что-то орала во всю глотку, широко раздирая рот. Однако что кричал этот внушающий крайнюю неприязнь незнакомец, Лумумбу Иванович не слышал. Все звуки заглушал громкий свист, то гулко-протяжный, то резко-отрывистый. Пытаясь понять происхождение этих ни на что не похожих звуков, Сивоглазов оглянулся вокруг и скорее с удивлением, чем со страхом обнаружил, что он, нелепо раскорячившись, мчитя сквозь какой-то туннель, зажав в руке пузырек с остатками тройного одеколona.

В туннеле было мрачно-темно, но впереди разливался влекущий к себе таинственный свет. Лумумбу Иванович оглянулся, пытаясь отыскать кривляющегося незнакомца и спросить у него, что же это такое происходит и куда они летят? Но в это время туннель выплюнул его в сияющее пространство. Сивоглазов больно ударился копчиком обо что-то твердое и со страху крепко закрыл глаза. Только через минуту он осмелился слегка разомкнуть веки, но тотчас снова зажмурился. Таких страшных снов ему ещё не снилось.

Потомственный конюх колхоза "Вперед к коммунизму" Лумумбу Иванович Сивоглазов находился вовсе не в больничной палате и даже не в родной Медведихе, что ещё как-то можно было понять и объяснить. Он сидел на берегу огромного водного пространства, яркая синева которого смыкалась вдали с таким же синим бездонным небом. Волны ленивой собакой лизали пологие берега, усеянные непривычной для глаза изумрудной галькой. Вдоль берега слева и справа возвышались утесы, вид которых также вызывал изумление. Одни из них были агатово-черными, другие ало-красными. Громоздятся друг на друга, они представляли собой причудливо-красочную картину.

Если бы Лумумбу Иванович побывал хотя бы на одной выставке художников-авангардистов, то он наверняка бы решил, что бог, сотворивший эту землю, принадлежит к их числу. Но Сивоглазов на выставках не бывал, с авангардистами не знался, а изо всех культурных мест посещал исключительно деревенский магазин, где у вечно пьяной продавщицы Соньки покупал водку и папиросы "Беломорканал". Поэтому Лумумбу Иванович решил, что он либо спит, либо просто сошел с ума.

Со стороны моря гулко и протяжно заревел пароход. Сивоглазов встрепенулся, слабо надеясь, что его заберут с этого удивительного острова. Но на безбрежном водном пространстве не было никакого парохода. Зато появился быстро подвигающийся к берегу гигантский бурун. Лумумбу Иванович смотрел на него и чувствовал, как на него накатывается мутная волна страха.

Водоворот увеличивался, и вдруг в самом центре его что-то блеснуло бронзой. Сивоглазов слегка привстал и почувствовал, что колени у него становятся ватными. Из воды в пене брызг выростала агатовая гора, над которой высился огромный бронзовый бивень.

Гора стремительно обнажилась и достигла высоты пятиэтажного дома. У удивительного животного не было ни глаз, ни ушей, ни каких-либо других органов, говорящих о том, как оно видит, дышит и осязает. Лишь тускло-бронзовый бивень торчал из колоссальной, лоснящейся туши. Огромное чудовище своими очертаниями все более напоминало Сивоглазову обычных головастика, которых он вдоволь насмотрелся в весенних лужах. Передвигался увеличенный до ужасающих размеров головастик при помощи конвульсивных движений, мерно и мощно прокатывающихся по мускулистому телу.

Головастик прошуршал изумрудной прибрежной галькой и замер. Вместе с ним все замерло вокруг. Хрупкая тишина зависла в воздухе.

Тихое лошадиное ржание послышалось Сивоглазову. Он повернул голову и обомлел. Неподдалеку от него стояла пропавшая Нюрка. Ноздри её раздувались в предчувствии смертельной опасности, но глаза смотрели жалобно и скорбно.

- Нюрка! Нюрочка! - раскрыл было рот Лумумбу Иванович, несказанно обрадованный даже не тем, что кобыла нашлась, а тем что среди этих страшных черно-красных скал он наконец-то встретил хоть какое-то живое, знакомое ему существо.

Но воздух наполнился глубокими трубными звуками. Нюрка вздернула морду вверх, медленно подняла одну ногу переставила её, затем также медленно переставила другую и зашагала навстречу гигантскому головастику.

- Тпр-р-ру! Куда прёшь, дура! - хотел закричать конюх, понимая, что ничего хорошего этот черный головастик с кобылой не сделает. Но неожиданно для себя заметил, что и сам заторможено шагает за Нюркой.

Роковое движение продолжалось до тех пор, пока на пути Лумумбы Ивановича не оказался ало-красный обломок скалы. Из-за обломка вынырнул его бультерьерный попутчик по мрачному туннелю и, явно издеваясь над Сивоглазовым, двумя руками протянул ему ведерную бутылку, на которой было крупно выведено "Тройной одеколон". Кровь вскипела в жилах Лумумбы Ивановича. Почему не зная сам, он был абсолютно уверен в том, что во всех его бедах виноват именно этот мерзостный незнакомец. Волна ярости лишила Сивоглазова страха и придала ему нечеловеческие силы. Он издал натужный стон, краем глаза замечая, как всем телом рухнула на галечный берег Нюрка, метнул в ненавистно-ухмыляющуюся рожу до сих пор зажатый в руке пузырек. Однако Бультерьер ловко увернулся. Пузырек просвистел мимо и ударился в основание бронзового бивня. Аромат суперкрепкого тройного одеколona удушливой волной пополз по изумрудному побережью.

На секунду всё смолкло. Только кобыла Нюрка с отпечатавшейся на голове ярко-красной полосой предсмертно хрустела подминаемой крупом галькой. Вдруг оглушительный рев

взорвал тишину и потряс прибрежные скалы. Гигантская капля, которую представляло собой чудовище, вытянулась струной и конвульсивно дергалась, поднимая волны и всё круша бронзовым бивнем. В воздух вздымалась изумрудная галька, взлетали красно-черные булыжники. В ужасе Сивоглазов бросился прочь от погибающего животного, но, отбежав к скалам, споткнулся о камень и упал, намертво вцепившись руками в кусок отломившегося при агонии бронзового бивня...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ИСЦЕЛЕНИЕ

Лумумбы Ивановича Сивоглазова, приведшее в трепет всех лечащих его врачей

Далее Лумумбу Иванович уже ничему не удивлялся. Не удивляло его то, что он вновь услышал гудящий прерывистый свист и обнаружил себя летящим в мрачном туннеле, только не раскорячившимся в пространстве, а сидящим на обломке бронзового бивня. Не удивляло его и то, что вместе с ним, но почему-то ногами вперед, летел теперь уже ненавистный ему бультерьерномордый незнакомец.

Бультерьер исхитрялся одновременно держаться за бронзовый бивень и, гнусно причмокивая, пить прямо из горла ведерной бутылки тройной одеколон. Из его рта, как из контейнера, переполненного помоями, стекали ручейки, испускающие ужасающее зловоние. Сивоглазова мучило необычайно. Он отворачивался, старался хотя бы не смотреть на гадливую физиономию, но резкий отвратительный запах помойки находил его повсюду. Наконец, Лумумбу Ивановича страшно вырвало.

Сивоглазов блевал долго и мучительно нудно. Однако все это время он не спускал внимательных глаз с ненавистной бультерьерной рожи. Момент для удара настал, когда Бультерьер оторвал бутылку от слюнявого рта и с масляными глазами протянул её Лумумбе Ивановичу, выказывая ему этим свое глубокое расположение. Налитой злостью кулак взвился в воздух. Раздалось резкое "хряп!", и Лумумбу Иванович открыл глаза.

Какая-то дама кувыркалась по полу, задирая ноги и мелькая сиреневыми в крупный горох трусами. "Что за идиотская расцветка", - пронеслось в голове Сивоглазова. Он приподнял голову и в крайнем недоумении принялся оглядываться.

Лумумбу Иванович Сивоглазов по-прежнему находился в больничной палате, как будто не было никакого красно-черного футуристического острова и чудовищно-гигантского головастика. В ухо Лумумбу Иванович ударил вовсе не отвратительно-противную бультерьерную рожу, а крашеную врачиху, пытающуюся вернуть его к жизни. Удушливая волна извергнутого из желудка одеколona исходила от тазика, стоящего возле кровати, а так же одеяла, подушки и от самого заблеванного конюха.

На Сивоглазова изумленно взирала толпа людей в белых халатах. Один из них, самый представительный и толстый, уже открыл было рот, чтобы изречь нечто умно-докторское, типа "что это вы, батенька, всякую гадость пьете" (как будто он сам в жизни употреблял исключительно полезные для здоровья напитки), но слова застряли у него в глотке.

Никто из присутствующих, включая и толсто-представительного эскулапа, ни разу не видел, чтобы без пяти минут покойник, возвратившись на этот свет, так удачно вмазал в ухо своему лечащему врачу.

Между тем Лумумба Иванович совершенно неожиданно почувствовал себя сильным, диким и необузданным. Проверяя это новое, удивительно приятное ощущение, он слегка дернулся,

затем ещё и ещё и, наконец, вовсе забился на подвесках, как муха, попавшая в паутину. Наконец, нити, удерживающие выздоровевшего конюха, не выдержали, и он каменной глыбой рухнул на пол. Бригада реаниматоров в панике кинулась из палаты. Закованный в гипс, как средневековый рыцарь в тяжелые латы, Лумумбу Иванович с трудом поднялся на ноги и хозяином стал расхаживать по палате, строго поглядывая на перепуганных соседей.

Прошло не менее получаса, прежде чем первые лазутчики медперсонала робко заглянули в палату. Это были дюжие медицинские братья, вызванные по тревоге из психушки. Не разобравшись, с кем имеет дело, Сивоглазов грюкнул трехпудовыми ногами о пол и радостно гаркнул: "Выписывай скорей! Обрыдло мне здесь!". Братья настороженно молчали. Они по одному просочились в палату, и как собаки волка, начали быстро обтекать Лумумбу Ивановича. Один из них за спиной держал странную тряпку, в которой Сивоглазов признал смирительную рубашку. Это взбесило конюха, и он решил драться до конца.

Первый удар был тяжелым и страшным. Издав какой-то каркающий звук, Сивоглазов нанес его неосторожно приблизившемуся к нему санитару каменной рукой в ухо. Тот рухнул, как дуб, пораженный молнией. Однако два других волкодавами бросились на озверевшего конюха. Пока один из них изуверски заламывал ему руки, другой не мешкая всадил в задницу бедного Лумумбу Ивановича лошадиную дозу успокоительного.

...Выписался из больницы Сивоглазов только через месяц. До этого ему неоднократно просвечивали рентгеном ещё недавно поломанные, но удивительным образом сросшиеся конечности, и множество высоких медицинских светил до безобразия долго и тщательно обследовали его в своих высоких медицинских целях на предмет психического здоровья.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

БЕСЕДА ВТОРАЯ

умных и многоинтеллигентных людей "О боге"

- Тридцать лет, а ещё ничего не сделано для бессмертия! - Лев Абрамович со всего маху стукнул кулачком по столу. Тарелки слабо звякнули.

- Вы что, Лев Абрамович, памятник себе решили заказать? - с трудом выталкивая слова из набитого ветчиной рта, произнес Петр Петрович Лихобабенко. - Так вам ещё рано. Впрочем, если хотите... Я вам советую из мраморной крошки... Недорого и вид приятный...

- Дурак! - коньком-горбунком взвился Кенис. Сверкнул глазами на смущенного Лихобабенко и одним махом опрокинул в себя пятьдесят граммов водки.

- А вы хотите стать бессмертным? Богом? - Николай Иванович Солнышкин не скрывал насмешки.

- Я хочу быть бессмертным среди людей, - занюхал Лев Абрамович водку корочкой хлеба. - Что толку становиться богом, если боги тоже умирают. Вот, скажем, Николай Иванович, - обратился Кенис к отставному профессору, - где Зевс, Баал или, скажем Уитцилопочтли? Их нет, потому что умерли люди, которые в них верили. Вот, не приведи господи, - тут Кенис скосил свои нагловатые глаза на отца Серафима, слегка огрузшего от застолья, - кончится "Придворная", умрет бог в Медведихе.

- Этого не будет! - отец Серафим негодующе тряхнул медно-красной гривой, как бы отвергая самую мысль о подобной несправедливости. - Во-первых, водку в сельмаг завозят регулярно. А, во-вторых, я тебя, жи... жи...

- ...жизнерадостный, - торопливо подхватил Николай Иванович опасно неустоявшуюся фразу.

- ... жизнерадостный, - проехал по проложенной колее отец Серафим, - я наверняка переживу. А в-третьих, - неожиданно миролюбиво заключил батюшка, - свинья ты, Абрамыч. Так о друзьях-товарищах за столом не говорят.

- А все-таки вы станете богом, - вдруг проскрежетал чей-то голос...

Все замолчали и устремили внимательные взгляды на скромного молодого человека, сидящего подле Льва Абрамовича.

Ещё секунду назад молодого человека вовсе не было за столом, а табурет, стоящий рядом со стулом Кениса, пустовал. Но никого не удивило ни появление незнакомца, ни вступление его в разговор. Создавалось впечатление, что он присутствовал здесь изначально. Более того, все знали, что зовут молодого человека Ермолай Степанович Пендель, хотя он никому и не представлялся. Физиономией Пендель обладал несколько вытянутой и горбатой, чем-то неуловимо напоминающей морду бультерьера. Одет он был обычно, как одеваются все нормальные люди. Однако на его собачьей голове красовалась особая четырехугольная шапка с кисточкой, свидетельствующая о весьма высоком положении её владельца в ученом мире.

- Богом?! - эхом повторил Кенис. - Это как богом?! - под пронзительным взглядом Бультерьера присмиривший Лев Абрамович судорожно проглотил полупрожеванный помидор и пугливо вильнул глазами.

- Безвременно умирать, возможно, не надо, - мягко предвосхитил его мысль Пендель, - нужно просто быть яркой личностью. Знаете, как образуется жемчуг? В раковину попадает песчинка и постепенно обволакивается перламутром...

- Или дерьмом! - бесцеремонно прервал его отец Серафим, глядя на Пенделя с явной неприязнью.

- Религия тот же жемчуг, - пропуская мимо ушей едкое замечание, продолжил Ермолай Степанович. - Вы, Лев Абрамович - яркая личность. Иначе говоря, песчинка, вокруг которой начинает формироваться жемчуг, то есть религия. Для начала вы берете "Моральный кодекс строителя коммунизма", Библию, Коран или "Mein Kampf" и формулируете догматы новой религии. Например, "не прелюбодействуй" или наоборот - "прелюбодействуй направо и налево". А затем вы выносите весь этот...

- Бред! - снова не удержался от грубости отец Серафим.

- ...на публику, - поставил точку Ермолай Степанович.

Лев Абрамович заворожено смотрел на Бультерьера. В его глазах было что-то подавленно-обреченное. Так кролик смотрит на удава, коченея в предсмертном страхе.

- Итак, вы готовы стать богом? - глаза Пенделя сталью кольнули Льва Абрамовича.

Кенис открыл было рот, чтобы что-то сказать, но тут же захлопнул его и затравленно отвел глаза.

- Тут надобно совершить какое-то чудо, - задумчиво глядя в рюмку с кристально-чистой "Придворной", проговорил Николай Иванович.

- Да-да! Непременно чудо! - воспламенился Пендель, влюблено глядя на отставного профессора. - Что вы желаете? - обратился он к Кенису. - Ходить по воде? Одним хлебом накормить тысячу человек? Или просто исцелять смертельно больных?

Лев Абрамович не отвечал, его била мелкая дрожь.

- Впрочем, - равнодушно отвернулся от него Бультерьер, - все это уже было. Придумаем что-нибудь поновее. С помощью... - тут Пендель оглядел присутствующих, как бы оценивая каждого. - С помощью, конечно же, нашего уважаемого профессора.

- Помилуйте, - искренне удивился Николай Иванович, - на роль чудесника я никак не гожусь. Староват-с.

- Это ничего, ничего... - добродушно проскрежетал Бультерьер, - это не помеха. Позвольте, - с этими словами он снял со своей собачьей головы четырехугольную шапку с кисточкой и

водрузил её на зардевшуюся от смущения лысину профессора Солнышкина. - В знак признания ваших состоявшихся, а в особенности - Ермолай Степанович значительно поднял палец, - грядущих научных достижений.

- Так значит, - ни с того ни с сего заржал в своем углу Петр Петрович Лихобабенко, - решено! Лев Абрамович станет богом?!

- Да! - это "да" выстрелило из уст Бультерьера точно снаряд из жерла орудия. Оно гулким эхом заходило в стенах тесной комнатухи, беспредельно раздвигая ее границы, и вдруг внезапно оборвалось, уступив место обрушившейся тишине...

Гудение жирной навозной мухи, облетавшей пределы обеденного стола, вернуло всех к жизни.

- Вот муха! - после некоторой паузы сказал, для того чтобы хотя бы что-нибудь сказать, Петр Петрович Лихобабенко. - Я же говорил вам, Николай Иванович, не бросайте за окно всякую дрянь. На неё летят вот такие...

Глухие рыдания не дали ему закончить фразу. Лев Абрамович Кенис, прислонившись к стене, судорожно бился в истерике.

- Вам, Лев Абрамович, никак нельзя пить, - укоризненно произнес Петр Петрович. - Если вы чуть переберете, то с вами просто беда.

Некоторое время Пендель не сводил тяжелого взгляда с захлебывающегося слезами Кениса, затем встал и положил ему руку на голову. Лев Абрамович замер и поднял заплаканно-жалкое лицо. Он молча, по-собачьи преданно и покорно воле хозяина смотрел в мрачные глаза-бездны Бультерьера, в которых где-то в невозможной дали блистали немые молнии...

За столом постепенно оживилось. Присутствующие о чем-то болтали, закусывали, наливали водку в опустевшие рюмки. Но Пенделю и Льву Абрамовичу Кенису не было дела до окружающих. Только они двое понимали, что между ними произошло некое таинство и что теперь их соединяет незримая нить. Нить, которая рвется только с жизнью.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Лумумбы Ивановича Сивоглазова в Медведиху,
где он находит то, что никогда не терял

Чугунными сапогами высекая из дождевых луж алмазные брызги, Лумумбу Иванович Сивоглазов шествовал по деревне. Из районной больницы он добрался на попутке и теперь торопился домой. Улица была пустынна, но Лумумбу Иванович не обращал на это никакого внимания. Все затмевала предстоящая радостная встреча: щедро накрытый стол, для начала сто граммов и разносолы на закуску, готовить которые его Аграфена Васильевна была большая мастерица.

Радость переполняла Сивоглазова. Правда, иногда где-то далеко в подсознании накатывали на Лумумбу Ивановича жуткие воспоминания о красно-черном фантастическом острове. Вживую грезилась кривляющаяся бультерьерная рожа, а рядом с ней обломок бронзового бивня. Но Лумумбу Иванович гнал от себя эти дикие видения, будучи вполне уверенным, что подобные страшные сны больше никогда не повторятся.

Вот и знакомый, заросший бурьяном забор, матерая крапива, ядовито-зеленой стеной обступившая тропинку. Эта крапива доставляла немало неприятных минут Лумумбе Ивановичу, когда он, в подпитии возвращаясь домой, слегка сбивался с курса. Но сейчас даже она казалась ему родной и приятной. Ноги сами свернули влево и... Лумумбу Иванович остановился как вкопанный.

Возле его избы гудел-роился какой-то непонятный народ. Повсюду мелькали незнакомые лица. Односельчан совсем не было видно. В стороне светлыми глыбами высились породистые автобусы с затемненными окнами, которые и автобусами-то язык не поворачивался назвать. Слегка оправившись от изумления, граничащего с испугом, Лумумбу Иванович робко забормотал: "Дозвольте пройтись..." и потихоньку стал продираться сквозь плотную толпу, поближе к родному дому. Однако его остановила железобетонная стена корреспондентов, каждый из которых скорее бы умер, чем уступил свое место. Сжатый со всех сторон до спертости дыхания Лумумбу Иванович вдруг с удивлением услышал знакомый голос своей супруги.

- Так вот, - о чем-то громко рассказывала Аграфена Васильевна. - Перед тем как переломаться и в больницу попасть, мой Лумумбу Иванович в Тараканьей пустоши дров наготовил. А в больнице уже наказал мне их привезть. Ну, я и пошла к Сереге-трактористу. А он мне: "Сначала - бутылка, а потом - работа!". Я ему бутылку сначала давать не хотела: нажрется - работы не сделает. А потом - пришлось...

Несмотря на многолюдье, голос Аграфены Васильевны раздавался в полной тишине. С особым вниманием её слушал очень толстый иностранец с переваливающимся через ремень увесистым животом. Его нагловатые глазки-изюминки то и дело перебежали с Аграфены Васильевны на обломок бронзового бивня. Кокосово-волосатые ноги-тумбы напряженно переминались.

- Пардон! - прервал рассказчицу какой-то любознательный корреспондент. - Что значит "нажрется"?

Заплывший доброкачественным салом живот толстого иностранца заколыхался в веселом смехе. Это колыхание, подобно легкому землетрясению, передалось физиономии и заставило весело прыгать её жирные складки. На испорченном английском, которым говорят американцы, толстяк во всеуслышанье пояснил загадочное слово. Все добродушно-понимающе заулыбались.

Видя всеобщее одобрение, Аграфена Васильевна совсем расхрабрилась.

- Так и получилось, - бойко продолжила она, - работу-то он, правда, сделал: дров привез. Но пьяный в дым. А вместе с дровами вот этот рог. Сказал, что это по весне какой-то здоровенный лосюга скинул. И еще сказал, - тут лицо ещё не старой и довольно симпатичной Аграфены Васильевны пошло маковым цветом, - ты повесь, Аграфена, рог-то этот на стену. Пускай Лумумбу Иванович иногда на него поглядывает, прежде чем в очередной раз с телеги надумает падать. За месяц, что он в больнице проваляется, многое может случиться...

Кровь бросилась в лицо Сивоглазову. Рот раскрылся, чтобы выкрикнуть выстраданное годами: "Что ты мелешь, дура!" Но в этот момент стоящий перед ним корреспондент, занимая более удобную позицию, отступил в сторону. Лумумбу Иванович невольно обратил свой взор долу, охнул, и колени его подломились.

Без сознания Сивоглазов пребывал недолго. Очнулся он от резкого запаха нашатыря, ударившего ему в нос. Лумумбу Иванович приподнялся и, не обращая внимания на суетящихся вокруг людей, уставился на некий предмет, лежащий возле знакомого до боли забора. Сомнений не оставалось. Это был тот самый обломок бронзового бивня, на котором потомственный конюх благополучно прилетел с футуристического острова. Лумумбу Иванович поднял глаза выше, вздрогнул, застонал и снова попытался упасть в обморок. Но уже множество доброжелательных рук поднимали его с земли, щекотали, хлопали по щекам, словом, всячески пытались привести в чувство.

Повинуясь чужой воле, Лумумбу Иванович медленно приходил в себя. Однако при этом он старался не смотреть в сторону означенного бронзового обломка. Там, как раз над удивительной костью, стояли двое. Одним из них был Лев Абрамович Кенис, озабоченный,

строгий и очень деловой. Другим был... Другим был как раз тот, кто и произвел на Лумумбу Ивановича действие ошеломляющее, подобное удару мягким, пыльным предметом по голове. Возле Льва Абрамовича маячил и кривлялся недавний бультерьерный попутчик Сивоглазова по мрачному туннелю. Бультерьерно-протокольная рожа премерзейше улыбалась и даже делала какие-то приветственные знаки Лумумбе Ивановичу, выражая свою безмерную радость от такой приятной и неожиданной встречи. От этих знаков внимания и доброй улыбки Бультерьера Сивоглазову становилось худо. Его тошнило, по телу расплзалась предательская слабость. Едва передвигая ноги, поддерживаемый с одной стороны супругой, с другой - непонятно откуда подскочившим, очень доброжелательным, кокосово-волосатым американцем, он едва вполз в избу и бессильно опустил на такой покойный, старый продавленный диван.

На улице же, перед домом Лумумбы Ивановича, ещё долго суетливо роился народ. Блестали фотоаппараты. Снимали бронзовый бивень, Аграфену Васильевну, избу Сивоглазовых, Льва Абрамовича Кениса, снимали все подряд. Говорились и записывались всякого рода речи, высказывались домыслы и предположения. Весь этот шум проникал сквозь закрытые окна и болью отзывался в голове лежащего пластом Лумумбы Ивановича. Особенно досаждал ему назойливый американец, почему-то задержавшийся в избе. Он о чем-то вполголоса говорил с женой. Оба тихо смеялись, Лумумбе Ивановичу очень хотелось вытолкнуть его взащей. Но, во-первых, иностранца было выталкивать как-то неловко. А, во-вторых, на потомственного конюха напала такая слабость, что он не мог даже встать с дивана. Впрочем, Аграфена Васильевна вела себя очень достойно, и Сивоглазов несколько раз явственно слышал слово "нет", довольно громко произнесенное его супругой.

К вечеру, когда назойливая толпа схлынула, а обломок бронзового бивня увезли на кургузом грузовичке, Сивоглазов слегка воспрянул духом. Слабым голосом он потребовал у супруги свои законные сто пятьдесят граммов "Придворной", зеленый огурчик, немного сала и хлебушка. Как никак он все же вернулся домой и был этому очень рад...

Лумумбу Иванович выпил водку, похрустел огурчиком и, немного посмотрев в потолок, тихо засопел. Потомственный конюх Лумумбу Иванович Сивоглазов спал сном ребенка, не подозревая, что в этот день мир узнал о существовании Медведихи, Тараканьей пустоши и его скромной особы. В результате многочисленных анализов, осмотров и совещаний учеными было признано, что найденный в Тараканьей пустоши бронзовый обломок является частью бивня гигантского доисторического животного, вымершего миллионы лет назад. Значительное удивление вызывало то, что обломок был поразительно свеж, как будто чудовище потеряло его совсем недавно. Но эту явную нелепицу отнесли к несовершенству современной аппаратуры, при помощи которой производились изыскания. Подобных гигантов в окрестных лесах Медведихи явно не водилось.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ТЕЛЕГРАФНЫЙ СТОЛБ,

правдолюбец и правдоискатель

Странные вещи стали твориться в Медведихе после находки бронзового бивня. К примеру, заговорил телеграфный столб, что стоял рядом с избой Сивоглазовых.

Как-то раз Лумумбу Иванович поздним вечером возвращался домой после принятия изрядной дозы спиртного и, не вписавшись в поворот, врезался в вертикально стоящее сучковатое бревно.

- Куда прёшь, старый хрен?! Дороги не видишь?! - тут же донеслось до него откуда-то сверху.

У конюха от удара загудело в голове, потому, очевидно, ему показалось, что слова эти принадлежат телеграфному столбу.

- Спилю, гад! - сгоряча пообещал Лумумбу Иванович, осторожно ощупывая на лбу здоровенную шишку.

- Дурак! Я казенный. Отвечать будешь.

Последние слова, так же явно упавшие с неба, произвели на конюха сильно отрезвляющее действие. Он оглянулся по сторонам. Никого не было видно. Посмотрел вверх. Два фаянсовых изолятора белыми бельмами нагло уставились ему в лицо. В густых сумерках раскатился хриплый издевательский смех. Почти протрезвев, то и дело оглядываясь по сторонам, Лумумбу Иванович дробной рысью заторопился домой.

После этого ночного происшествия Сивоглазов каждый раз, приходя домой под хмельком, опасно замирал возле телеграфного столба, словно чего-то ожидая. Однако столб упорно молчал. Лумумбу Иванович затосковал и даже пытался пару раз бросить пить, поскольку посчитал, что с головой у него стало не все в порядке. Как вдруг столб заговорил снова.

Случилось это в светлое воскресенье, когда Лумумбу Иванович собрался было в магазин за бутылкой, но, выйдя из дому, понял что опоздал. По улице, шатаясь из стороны в сторону, как баржа во время качки, проплывала пьяная продавщица медведихинского сельмага Сонька, вне всяких сомнений, уже закончившая свой рабочий день.

- Соня! - хотел было крикнуть Сивоглазов, слабо надеясь, что продавщица все же вернется и отпустит нужный ему товар, но не успел. Высоко над головой онемевшего от неожиданности конюха послышался не лишенный приятности уже знакомый ему бас.

- Здравствуй, Сонечка! Здравствуй, милый друг!

Сонька немедленно остановилась. "Милым другом" её не называл никто и никогда. Однако от резкого торможения равновесие было утеряно, и продавщица медленно опрокинулась вперед, став треугольником, вершину которого образовал её тощий зад.

- Как живешь, Сонечка? - ещё более проникновенно спросил её приятный голос.

- Хорошо, - прохрипела Сонька из весьма неловкого положения.

- Хорошо бывает разное, - не унимался доброжелатель.

- Лучше... - начала было Сонька. Она хотела сказать: "Лучше не бывает", но не выдержала, и из пыли, в которую воткнулся Сонькин нос, послышался отборный мат.

- Что же ты, Сонечка, так ругаешься?

- А тебе какое дело, козёл!

Выплюнув вместе с пылью последнюю фразу, Сонька в страхе оцепенела. В запальчивости она не сразу разобрала, что приятный бас неожиданно сменил совсем другой голос, строгий и

начальственный. Голос этот явно принадлежал председателю колхоза Петру Петровичу Лихобабенко, которого Сонька откровенно боялась.

- Что это вы, Соня, матом содите? Кхе-кхе! Так сказать в общественном месте.

Сонька робко приподняла свою потную, густо облепленную пылью физиономию. То, что она увидела, сразило её наповал. Вместо знакомых, выдавших виды председательских сапог прямо перед сонькиными глазами маячили толстые кокосово-волосатые ноги-тумбы.

- Петр Петрович, зачем вы разделись? - смущенно пролепетала Соня и не мешкая подняла взгляд выше. Перед любопытными Сонькиными глазами предстали сначала цветастые семейные трусы, поддерживаемые широким ремнем, а затем переваливающийся через ремень огромный живот и, наконец, нагло-хитрые изюминки-глазки, вдавленные в тестообразное лицо. Было что-то чрезвычайно знакомое в этой физиономии, и у Соньки невольно вырвалось:

- Колька! Хитровчук!

Едва заметная пугливая искорка мелькнула и тут же погасла в нагловатых глазках. Толстяк осклабился в доброй американской улыбке и изрек нечто английское.

- Что здесь делает эта мисс? - эхом протараторила невидимая за колыхающимся животом переводчица.

- Не твое дело, козел! - во всю глотку заорала Сонька, воодушевленная тем, что среди толпы незнакомых мужиков в семейных трусах она видит не Петра Петровича Лихобабенко, а своего полузабытого давнишнего покупателя.

- Соня! - хлестнул по ушам крик отчаяния стоящего позади продавщицы председателя. - Это мистер Хитроу! Американец! Немедленно извинись перед ним!

- Не извиняйся, голуба! - раздался вдруг над головами собравшихся звучный бас. - Все верно. Это Колька Хитровчук из соседней Тараканихи. Он десять лет тому назад Родину продал, в Америку подался. А, между прочим, Соня, трехрублевый долг тебе так и не отдал.

- Гони трояк, Хитрый! - Сонька змеей взметнулась вверх, норовя вцепиться в широкие цветастые трусы, но рука пронесла мимо, и она снова бессильно шмякнулась в пыль.

- Врет он все! Нашла, кому верить! - неожиданно по-русски отбрюхнулся ошеломленный неземным басом американец.

- Кроме того, считаю своим гражданским долгом заявить, - мстительно пророкотал Телеграфный Столб, - следующее. Мистер Хитроу, он же Хитровчук, является секретным агентом по кличке Хитрый недружественной нам державы. В левом кармане агента находится магнитофонная запись его беседы с Аграфеной Васильевной Сивоглазовой. Из этой записи следует, что агент Хитрый подстрекал гражданку Сивоглазову отпилить часть найденного рога и продать ему.

- Вранье, - пролепетал моментально вспотевший американец.

- Однако, - неумолимо продолжал Столб, - последняя, будучи патриоткой, отказалась продавать рог за американские доллары. В правом кармане, - басил просмоленный правдолюбец, - находится мелкий фрагмент вышеупомянутого рога, который агент Хитрый отщипнул коновальческими щипцами, преднамеренно похищенными для этой цели в избе Сивоглазовых. Этот фрагмент предполагается передать в секретную лабораторию для специсследований. Словом, хватайте его, хлопцы, - заключил Столб как-то уже совсем неофициально.

Однако, прежде чем какие-то неизвестные, вызываемые Столбом хлопцы успели схватить секретного агента, к нему подскочил до сих пор стоящий с отвисшей челюстью Сивоглазов и со всего маху ударил в жирное американское ухо. За себя, за Аграфену Васильевну, за проданную Родину, а, самое главное, за подло уворованные щипцы. Удар был силен. Американец покачнулся. Но упасть ему не дали. Из многоликой толпы вынырнули два совершенно невзрачных, бесцветных молодых человека. Они схватили толстого американца

под руки и очень ловко затолкали его в такую же невзрачную, как они сами, моментально подъехавшую машину.

Тем временем у Столба, очевидно, либо перепутались провода, либо поехала крыша, но он начал нести всякую чушь.

- А вам, Петр Петрович, - окончательно пошел в разнос Телеграфный Столб, - давно пора позаботиться о том, чтобы поставить мне пасынка. Я совершенно покосился.

Ошалевшая иностранная делегация, которой Лихобабенко показывал свой колхоз, в панике разбежалась. Сам председатель спортивной трусцой засеменял в контору. Там Петр Петрович набрал телефонный номер вышестоящего районного начальства и заторможенным голосом сообщил, что в Медведихе заговорил Телеграфный Столб. Столб разоблачил иностранного шпиона, а также просил укрепить его пасынком. В ответ телефонная трубка долго молчала. Высокое начальство соображало: сколько нужно выпить, чтобы нести такой бред. Но поскольку потребление соответствующего количества водки было просто невозможно, то телефонная трубка была аккуратно положена на место. Короткие гудки, доносящиеся из неё до Лихобабенко, заглушали раскаты баса, несущиеся в открытое окно. Вконец разбушевавшийся Телеграфный Столб обязывал всех до единого явиться на какую-то пресс-конференцию, не называя ни сроков её проведения, ни темы, которой она будет посвящена.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИЯ,

или Шоу-Балет-Аукцион по продаже
предметов дамского туалета

Весть о говорящем Столбе моментально разлетелась по Медведихе и была воспринята на удивление серьезно. Это не вписывающееся в общие рамки происшествие раздражало общественное сознание, вызывало неясную тревогу.

Всеобщую нервозность возбуждали также некоторые явления, происходящие в небе Медведихи. По вечерам то здесь, то там кто-нибудь из деревенских непременно замечал на небосводе летающую баранку. Баранка подолгу кружила над деревней, и многие из понаехавших корреспондентов снимали её на видео и фотоаппаратуру. Однако впоследствии либо небо оказывалось на пленке пустынным, либо сама пленка засвеченной.

Напряжение, все более нарастающее в Медведихе, вылилось в какое-то несколько странное, сухо-деловое слово "проект". Сначала оно употреблялось как бы случайно, звучало как-то расплывчато-аморфно. Однако вскоре это слово стало повторяться все чаще и приняло ясные, четкие и даже грозные очертания.

У Проекта не было автора. Он возник как бы сам собой, как молния возникает из грозовой тучи. И хотя Проект был дик, фантастичен и совершенно непонятен трезвому рассудку, под него тут же нашлись огромные деньги.

Заклучался Проект в следующем. При помощи хитросплетений современной науки намечалось в кратчайшие сроки воссоздать давным-давно исчезнувшее с лица Земли удивительное животное, бивень которого был найден в окрестных лесах. Одновременно с этим

предполагалось построить огромный водоем и взрастить парк древовидных растений, побегами которых должен был питаться реликтовый экземпляр, почему-то названный в Проекте "Касатик". Цель этих далеко идущих планов никого не интересовала. Говорилось разное. Но никто не знал и не мог знать: "ЗАЧЕМ ЭТО НАДО?". Нелепость задуманного подтверждало и то, что руководителем Проекта был назначен заведующий деревенским домом культуры Лев Абрамович Кенис, а его помощником и секретарем - возникшая из небытия бультерьерно-протокольная рожа Ермолай Степанович Пендель.

Сразу же после назначения на высокие посты двух авантюристов разнеслись слухи о какой-то загадочной пресс-конференции. И хотя никто ничего о будущей конференции не знал, все сходились на том, что это крайне важное, яркое событие, пропустить которое было совершенно невозможно. Пресс-конференция грянула, точно гром среди ясного неба.

В Медведихинском доме культуры яблоку негде было упасть. Журналисты всевозможного толка с нетерпением ожидали начала таинственного действия. В третьем ряду, вальяжно развалясь и жуя жвачку, сидел толстый мистер Хитроу, отпущенный из-под стражи под внушительный залог. Правда, теперь его повсюду сопровождали два молодых человека, о которых нельзя было сказать, что они неприметны в толпе, скорее это была сама толпа. Один из бесцветно-симпатичных молодых людей сидел впереди мистера Хитроу. Его шишковидная голова была красиво обрамлена грязными подошвами сорок пятого размера, поскольку ногитумбы мистера Хитроу были удобно помещены на спинку переднего стула. Другой молодой человек устроился на галерке и через театральные бинокли упорно буровил взглядом бычий хитроувский затылок.

...Зал замер, затем взорвался аплодисментами. На сцене появились Ермолай Степанович Пендель и Лев Абрамович Кенис. Кенис был просто во фраке. Пендель - во фраке и при галстукке. Галстук был широк, длинен и необычен. По всему полю его разбегались коричнево-зеленые пальмы, а в центре, точно живая, застыла маленькая обезьянка, весьма пакостная на вид.

- Дамы и господа! - голос Пенделя ржавой пилой проехался по залу. - Позвольте начать благотворительно-бесплатный Шоу-Балет-Аукцион, который вы все с таким нетерпением ждете.

Недоуменное молчание было ему ответом.

- Какой аукцион?! Где пресс-конференция?! - донеслось с галерки.

Воздух разрезал оглушительный свист. Это мистер Хитроу, засунув пальцы в рот, выражал свое крайнее недовольство.

Кенис и Пендель с искренним удивлением переглянулись.

- Это ошибка, господа, - обратился Лев Абрамович к собравшимся несколько обескуражено. - В принципе, мы готовы дать пресс-конференцию...

- ...Если - насмешливо-вкрадчиво поспешил дополнить его Пендель, - у кого-то из вас имеется на неё пригласительный билет.

Зал озадаченно замолчал. Каждый из присутствующих вдруг почему-то вспомнил, что он, действительно, не получал никакого пригласительного билета на пресс-конференцию, но по несколько раз в день пробегал глазами какие-то назойливые, но совершенно не внушающие доверия замызганные афишки, расклеенные повсюду. В афишах значилось, что именно сегодня, в этот день и час, в Медведихинском доме культуры состоится какой-то бесплатный Шоу-Балет-Аукцион.

- Господа! - радостно пролаял Бультерьер. - Я вижу, произошло какое-то недоразумение. Поэтому прошу тех, кто не хочет принять участие в Шоу-Балет-Аукционе, удалиться. - Ермолай Степанович доброжелательно заморгал белесыми ресницами

Никто не покинул зал. Все чего-то ожидали.

- Итак, господа! - веселый скрежет Пенделя отзывался в зале звонким эхом, - недоразумение разрешилось. Позвольте приступить к бесплатной продаже чудодейственного амулета.

Ермолай Степанович петушком прошелся по сцене. Пакостная обезьянка на его галстук неожиданно ожила, зыркнула в третий ряд, и оскалилась в ослепительно-американской улыбке. Мистер Хитроу, сам того не желая, ответил ей тем же. Лев Абрамович неприметно отошел к краю сцены и обеими руками ухватился за какой-то шнурок, свисавший сверху.

- Первый и единственный лот нашего аукциона! - завизжал вдруг Пендель, напугав половину зала. - Элегантные дамские трусики тысячу пятьсот двадцать девятого размера.

В эту секунду оглушительно грянул сидевший в засаде оркестр. Музыканты несли нечто несуразное, напоминающее одновременно и туш, и канкан, и ритуальные мелодии народов Африки. Под эту дикую какофонию Лев Абрамович изо всех сил дернул за шнурок, и откуда-то сверху рухнули и зависли над сценой изящные дамские панталоны с оборками и кружевами. Панталоны были столь чудовищно велики, что могли бы служить парусом флагманского корабля времен королевы Елизаветы. На панталонах проявилось изображение бравого мужчины. Мужчина был как две капли воды похож на старшину-гаишника, совсем недавно на халяву накушавшегося тройного одеколону, а затем беспардонно заблевавшего все шоссе. Двойник старшины строго взирал на присутствующих, как бы вопрошая, по какому праву они здесь собрались. Над его головой сияло и вместе с панталонами трепыхалось от нестерпимых сквозняков одно-единственное слово "Касатик". Зал онемел. Затем послышались редкие смешки, перемежаемые возмущенными криками. Наконец, шквал гнева обрушился на сцену. Кричали что попало. Приличного не было вовсе. Больше и громче всех орал мистер Хитроу. Он свистал Соловьем-разбойником и топал ногами-тумбами так, что дрожал пол.

Буря недовольства прекратилась так же внезапно, как и началась. В зале вдруг наступила гробовая тишина. Все, затаив дыхание, смотрели на сцену. Там по-прежнему, как ни в чем не бывало, стоял Лев Абрамович Кенис. На этот раз с расписным под хохлому подносом в руках. На подносе сверкал и переливался удивительный по красоте огромный бриллиант.

- Господа, - невинно прошелестел Пендель. - Талисман, как вы сами понимаете, продаваться не может. Поэтому он прилагается к этому камешку. - С этими словами Ермолай Степанович небрежно ткнул пальцем в великолепный алмаз.

- Делайте ставки, господа! - вдруг ни с того ни с сего заорал Кенис и растерянно оглянулся по сторонам.

- Начальная цена - одна копейка, - радостным скрипом поддержал его Бультерьер.

Присутствующие затихли, ожидая очередного подвоха. Но бриллиант так сладостно, так заманчиво сиял, что где-то в отдалении послышался робкий возглас. Кто-то поднимал цену до рубля.

В этот момент пакостная обезьянка на галстук Ермолая Степановича Пенделя материализовалась. Она вспрыгнула на поднос, который держал Лев Абрамович Кенис, и принялась на нем лихо отплясывать джигу. При этом обезьянка мохнатыми лапками схватила бриллиант и высоко подняла его над головой. Бриллиант брызгал лучами, ослепляя зал. В мгновение ока все точно обезумели. Кричали, топали ногами, плакали навзрыд, не забывая поднимать ставки. Кое-где завязалась драка.

Мистер Хитроу при виде великолепного бриллианта в лапках танцующей обезьянки стал бурокрасным. Ногами-тумбами попирая грязный пол, одной рукой он ухватился за голову сидящего впереди симпатичного молодого человека, принимая её, очевидно, за какой-то шишковидный нарост на кресле. Другая рука, сжатая в багровый кулак, то и дело вздымалась в такт выкрикам своего хозяина, означавшим очередное повышение цены. Мистер Хитроу пожирал глазами восхитительный камень.

Обстановка всеобщего психоза продолжалась так долго и настолько захватила аудиторию, что резкий выкрик "Продано" застал всех врасплох.

- Продано! - еще раз взлаял Бультерьер и деревянным молотком ткнул в передние ряды.

Мистер Хитроу из буро-красного стал бледно-малиновым. Молоток аукциониста указывал на него.

- Это мой бриллиант, - в полной тишине простонал американец. Затем вскочил, расплющил гигантской подошвой плечо впереди сидящему молодому человеку и, воспользовавшись головой-шишкой как опорой, прыгнул на сцену. Там мистер Хитроу сбил с ног Льва Абрамовича, выхватил из лапок упавшей на пол обезьяны алмаз и ринулся к выходу.

Через минуту после окончания пресс-конференции от дома культуры, взметая прах колесами, рванулся роскошный лимузин. Несколько секунд спустя за ним протарахтела задрипанная машина непонятной марки.

Лимузин, сопровождаемый на почтительном расстоянии непонятной машиной, проследовал через всю Медведиху и остановился у парадного подъезда недавно отстроенной роскошной гостиницы. Из него вышел мистер Хитроу и, сопровождаемый дюжими охранниками, исчез за зеркальной дверью. Из притормозившей задрипанной машины вылезли двое. Один из них с изрядно свернутой шеей и просевшим плечом занял позицию рядом с парадным подъездом. Другой, здоровый на вид, но с театральным биноклем, спрятался в кустах напротив окон мистера Хитроу.

В окнах номера, занимаемого богатым американцем, всю ночь горел свет. Мистер Хитроу сидел за столом и стеклянными глазами гипнотизировал купленный им по случаю замечательный камень. Так он и заснул, утомленный бессонницей и свалившейся на него удачей. А утром счастливчика разбудил деликатный стук в дверь.

- Да-да! - пробормотал американец, едва разлепив веки, ожидая горничную с утренним кофе. Но вместо горничной вошли трое. У одного из вошедших тут же выпал из кармана театральные бинокли. Второй смотрел как-то вбок и все время хватался за левое плечо. Третий представлял собой бравого офицера милиции и был, как две капли воды, похож на сурового двойника старшины-гаишника, изображенного на гигантских дамских панталонах.

- Капитан Бардельеров! - представился суровый офицер и молодежато щелкнул каблуками. - Мистер Хитроу, - деловито продолжил капитан без паузы, - Вы состоите в международном розыске по обвинению в хищении всемирно известного бриллианта "Касатик".

- А вы больше не служите в ГАИ? - только и сумел пролепетать обалдевший американец.

- В ГАИ служит мой брат! - сухо отрезал капитан. - Мы однайцовые близнецы.

- Как это однайцовые? - мистер Хитроу был как бы в беспамятстве.

- Однайцовые - это из одного яйца, идиот! - неожиданным басом прояснил ситуацию штатский с искривленной шеей и проваленным плечом. Далее, не теряя больше времени на дурацкие разговоры, шишкоголовый агент накинул красивые, никелированные наручники на волосатые руки американца. Послышался характерный щелчок.

- Вы арестованы! - пояснил сошедший с панталон суровый капитан.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

"КАСАТИК"

воплощение проекта

На следующий день после пресс-конференции улицы Медведихи обезлюдели. Все обитатели деревни, забыв повседневные дела, буквально прилипли к экранам своих телевизоров. Они по нескольку раз заинтригованно смотрели экстренный выпуск новостей, в которых повторялось одно и то же.

На сцене медведихинского дома культуры скромно стояли одетые в строгие фраки директор проекта "Касатик" Лев Абрамович Кенис и его заместитель Ермолай Степанович Пендель. Лев Абрамович на правах председательствующего говорил в зал: "В принципе, мы готовы дать пресс-конференцию". После чего на сцену по какой-то неясной причине падал занавес весьма оригинальной формы с изображением мужественного брюнета и золотой надписью "Касатик". Далее все остальные действия происходили на фоне этого необычного занавеса. Впрочем, действий было немного. Лев Абрамович Кенис выносил на роскошном хохломском подносе огромный бриллиант, принесенный в дар фонду "Касатик" и названный его именем. После чего происходило нечто дикое, совершенно не воспринимаемое рассудком.

В третьем ряду, словно из-под земли неожиданно выростала толсто-волосатая горилла в шортах и, плюща головы и плечи впереди сидящих, ломилась к сцене. На сцене горилла устраивала самый настоящий дебош. Она избивала Льва Абрамовича, бросала на пол очень милую дрессированную обезьянку, которая демонстрировала всем бриллиант "Касатик" и, наконец, убежала, прихватив с собой драгоценный камень. Шокирующие новости заканчивались кадрами роскошного номера гостиницы, в котором была арестована взбесившаяся горилла, оказавшаяся, по словам комментатора, самым что ни на есть чистопородным американцем.

Этот репортаж один в один передавался практически по всем телевизионным каналам страны по одной вполне понятной причине. У всех корреспондентов, снимавших Шоу-Балет-Аукцион видеоаппаратурой, лента оказалась засвеченной. Сохранились лишь эпизоды, которые в настоящий момент показывали по телевидению. Более того, у присутствующих на Шоу-Балет-Аукционе возник как бы провал в памяти. Они помнили только самое начало и самый конец мероприятия. Зато у всех у них отложилось, что это вовсе не какое-то скандальное действие с нагловатыми ведущими и неприлично вихляющейся обезьянкой, а пресс-конференция, блестяще, с неувлимым эротическим оттенком проведенная её организаторами.

Выпуск экстренных новостей шел круглые сутки, и круглые сутки на экранах телевизоров развеялся занавес-панталоны с надписью "Касатик" и жгучим брюнетом. Слово "Касатик" также поминутно звучало из теле- и радиодинамиков. Оно с придыханием, на все лады повторялось мужскими и женскими голосами, приятно будоража сознание и крепко западая в память.

Одновременно с этой, достигшей поистине вселенских масштабов, бурей в стакане воды, в Медведихе как-то суетливо-быстро открылся грандиозный торгово-выставочный центр "Касатик". В центре можно было купить всякого рода сувениры, например, изящные женские и мужские трусики, майки и тому подобную мелочь с той же надписью "Касатик" и изображением томного мужчины. Трезвомыслящему человеку была совершенно непонятна связь между ископаемым животным и красавцем-брюнетом. Но посетителей это не смущало. Нижнее белье шло нарасхват.

Между покупками предметов женского и мужского туалета можно было побродить по Центру среди муляжей доисторических растений или же ознакомиться с действующей моделью чудовища. Оно плавало, плеща водою, и мелодично трубило. За доступную плату любой мог послушать сентиментальную песенку, исполняемую электронным чудом в его честь.

Такие же Центры, как грибы после дождя, моментально выросли практически во всех столицах мира. Деньги, заработанные Центрами "Касатик" шли на финансирование гигантской стройки. На это же была направлена и большая часть прибыли, полученной от проката фильма "Касатик" наспех "слепленного" кинематографистами. Фильм в музыкальной форме повествовал о трогательной любви двух прекрасных юношей, которых во время кораблекрушения спасает доброе доисторическое животное. Фильм "Касатик" побил все рекорды кассовых сборов. Дамы рыдали от восторга в кинотеатрах. Молодые мамы называли своих дочерей и сыновей именем "Касатик". Необычайно популярен стал танец "Касатик", исполняемый в кинокартине прекрасными юношами, который весьма напоминал сексуальный акт в сопровождении веселенькой мелодии. Все просто жаждали как можно скорее лицезреть гигантское, но доброе водоплавающее чудо. Мир, казалось, сошел с ума. Пожертвования на строительство доисторического парка текли рекой.

Подстегиваемая всеобщим нетерпением, мощно финансируемая Великая Стройка все более ускорялась. Стальные зубья экскаваторов хищно вгрызались в мягкую плоть Земли. По волчьим выли сирены, и инженерные мины рвали земной покров. Скоро образовался огромный котлован, и теперь для его заполнения подводились воды гигантских рек, текущих за тысячи километров от Медведихи.

Лев Абрамович Кенис, как угорелый, метался по стройке. То здесь, то там появлялся он со своим бультерьерным помощником и отдавал распоряжения. Распоряжения были нелепы по сути своей и если бы их исполняли, то стройка не ускорила бы свой ход, а совсем прекратила его. Однако никаких распоряжений вовсе и не требовалось. Строительство ископаемого парка велось как бы само собой и не нуждалось ни в чьих распоряжениях. Тем более не нужны они были кучке фанатиков-ученых, пытающихся вернуть к жизни, казалось бы, навсегда ушедшее в небытие чудовище. Они дневали и ночевали в секретных лабораториях, проводя бесчисленные опыты и испытывая горчайшую неудовлетворенность или неизъяснимую радость в зависимости от их исхода. Однако если о Великой Стройке говорилось и писалось много, то работа ученых освещалась весьма скупо, как бы вскользь, хотя и давалось понять, что час появления на свет таинственного животного близок. И вдруг на фоне всеобщей истерии, слез и умилений, связанных с Касатиком, произошло событие, в корне нарушившее плавно-стремительный ход воплощения Проекта в жизнь. Событие это было заурядным, обыденным и крайне незначительным. Поздним вечером, когда на небе уже вызвездило и медведихинцы потихоньку готовились ко сну, на их деревню благополучно грохнулся метеорит.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

МЕТЕОРИТ В НЕБЕ И В ЖИЗНИ

Падение метеорита случилось поздним вечером, когда багровое солнце грузно тонуло в сизо-алых облаках. Предшествовало же ему выступление Телеграфного Столба, которое началось с исполнения народной песни:

"Во поле береза стояла.
Во поле кудрявая стояла
Люли-люли стояла.
Люли-люли..."

Пение Столба, напоминающее визг недорезанного поросенка, перемежаемый ревом голодного тигра, продолжалось недолго. На полуслове прервав дикий вокал, Столб сделал паузу и произнес: "Николай Иванович Солнышкин уже более полугода как уехал к своей тетке в Сызрань".

С некоторых пор Телеграфный Столб затеялся разговаривать с односельчанами ежедневно и успел порядочно всем надоесть, поэтому для того чтобы привлечь внимание к своей особе, он стал прибегать к разного рода штучкам типа идиотского пения.

Столб зычно откашлялся и, стараясь придать своему голосу как можно больше значимости, повторил: "Николай Иванович в Сызрани уже целых шесть месяцев".

Возможно, Телеграфный Столб сказал бы ещё что-нибудь очень интересное и важное, связанное с отъездом уважаемого профессора. Но в это время всеобщее внимание было отвлечено змеиным шипением, доносящимся со значительно большей высоты, чем та, с которой вещал Столб. Услышавшие шипение медведихинцы воззрились на небеса и увидели картину непонятно-удивительную, не описанную ни в одном из учебников астрономии.

По черному, сплошь в мерцающих звездочках небу летел метеорит. Он летел удивительно и непохоже: по зигзагообразной траектории, разбрасывая восхитительные по красоте разноцветные брызги.

Метеорит фейерверком промчался над Медведихой и взорвался где-то на пустыре с необыкновенно-душераздирающим треском, на несколько мгновений оглушив всю деревню.

Несмотря на поздний вечер, на место взрыва ринулась стая корреспондентов, которые в последнее время, казалось, вовсе не покидали Медведиху. То, что они увидели, поразило их даже больше, чем падение небесного камня.

Весь пустырь, на котором произошел взрыв, был в объятиях какого-то таинственного света. Свет пронзал слежавшийся в низине плотный туман. В его зыбких белесых волнах металась фантастические тени. Они то увеличивались до гигантских размеров, то почти исчезали. Похоже, в центре пустыря проходила битва титанов. Временами слышался отборный мат, сквозь который пробивались слова "шпион" и "инопланетянин".

Двое самых отчаянных газетчиков бросились в таинственное пространство и исчезли в нем, как в Бермудском треугольнике. Остальные застыли в нерешительности, невольно наблюдая загадочный театр теней. Однако сторонними зрителями они оставались недолго. На границе заколдованного круга внезапно нарисовалась колеблющаяся, как пламя свечи на ветру, фигура. Она несколько мгновений наблюдала за корреспондентами, сгрудившимися испуганными баранами, затем взревела солдафонским басом: "А вам что здесь надо?".

Корреспонденты вздрогнули, но испугаться не успели. На их глазах фигура неожиданно раздвоилась, и вторая половина её, шатаясь в неверном свете, словно пьяная, спросила сырым, простуженным басом:

- Этих придурков тоже заберем?

То, что ответила первая фигура, появившаяся до раздвоения, корреспонденты не услышали. На них налетел сокрушительный вихрь, схватил и куда-то поволок. Корреспонденты пришли в себя только в наглухо закрытой машине с тремя очень странными типами, одетыми в невиданные ранее камуфляжные комбинезоны. Носастые, небольшого роста, с оттопыренными ушами, они напоминали съездившихся недобрых троллей, вышедших из горных недр.

Машина тронулась, и пронзающие густой туман фары перестали освещать пустырь. Черно-бархатный занавес ночи в мгновение ока упал на импровизированную сцену, навсегда закрывая быстротечный театр теней. Недосмотревших спектакль зрителей увозили в фургоне, очень смахивающем на тюремную каталажку. Зато в настоящей, совсем не импровизированной камере все представилось в совершенно ином свете.

Камуфляжные комбинезоны при ближайшем рассмотрении оказались загаженными грязью кальсонами. Сами же сокамерники больше напоминали обычных людей, чем инопланетян, о чем без обиняков и спросили их корреспонденты. Тролли догадку подтвердили и представились учеными. Оказывается домик, в котором они жили, подвергся падению метеорита, и они как были, в кальсонах, выпали на улицу прямо в дождевые лужи. Когда же корреспонденты поинтересовались у своих не совсем обычных собеседников, что они изучали и кто эти неизвестные люди, затолкавшие их в комнату с решетчатыми окнами, то в камере зависло тягостное молчание. Впрочем, последний вопрос недолго оставался без ответа.

Едва первые лучи утреннего солнца отпечатали на стене незатейливый узор тюремной решетки, как дверь нестерпимо завизжала и на пороге предстали два совершенно одинаковых милицейских капитана. Это были никто иные как однайцовые братья Бардельеровы. Один из капитанов обвел всех тяжелым взглядом и произнес басом первого призрака:

- Здесь Солнышкин Николай Иванович?

- Я! - покорным эхом откликнулся один из лопоухих троллей.

- На выход! - вежливо предложил второй однайцовый брат, басом сырым и простуженным, явно принадлежащим второму призраку.

- С вещами? - вежливо поинтересовался "полгода назад уехавший к тетке в Сызрань" Николай Иванович.

Даже на суровых лицах братьев Бардельеровых мелькнуло подобие улыбки.

- Разумеется! - рявкнули они хором. - Не кальсоны же вам снимать.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

ГОЛОВАСТИКИ

(явление первое)

битва на машинном дворе

Петр Петрович Лихобабенко с трудом продрал глаза. Во рту было нехорошо. "Точно эскадрон лошадей во рту ночевал", - невольно вспомнилась ему где-то услышанная гусарская фраза. Очень хотелось пить. Вчера он засиделся у друзей и изрядно перебрал. На столе, под тряпичным петухом, стоял заварной чайник. Спасибо супруге. Она знала, что понадобится утром.

Лихобабенко налил в любимую чашку крепкий ароматный чай, навалил туда сахару. От нечего делать включил телевизор. Туш ворвался в комнату, на секунду оглушив Петра Петровича. По одному из главных телевизионных каналов страны велась прямая трансляция торжественного открытия очередного выставочного центра "Касатик". Лихобабенко сходу нажал на кнопку пульта, и перед его глазами предстали уже экзальтированные молодые люди. Они изящно дрыгали бедрами и извивались под жизнерадостную музыку, старательно изображая любовный экстаз. Конкурс на лучшее исполнение супермодного танца "Касатик" был в полном разгаре. По третьей программе шел многосерийный телевизионный фильм "Касатик". Смерть, казалось, уже распростерла свои крыла над прекрасно-неземными юношами. Они душераздирающе прощались друг с другом в бушующем океане, среди обломков тонущего корабля. Но искушенный зритель уже знал, что с минуты на минуту из морских пучин вынырнет доброе чудовище, которое непременно спасет влюбленных. Петр Петрович сплюнул, смачно выругался и выключил телевизор.

Лихобабенко потянулся к кружке с дымящимся чаем, но рука застыла на полпути: в ушах неожиданно прозвенело и стихло. Петр Петрович выждал немного: не почудится ли ему ещё чего, но галлюцинации больше не повторялись. Он облегченно вздохнул и даже мысленно дал себе слово никогда так больше не напиваться, как вдруг порыв ветра внес в открытое окно частый будоражающий звон металла о металл. Расплескав недопитый чай, председатель опрометью кинулся из дому. Это били о рельс на машинном дворе, отстоящем от Медведихи в полутора километрах. Резко-отрывистые тревожные звуки могли означать только одно - пожар.

Рухнув с разлету на застонавшее от натуги сиденье старенького уазика, Лихобабенко включил зажигание, - двигатель чихнул и смолк. Чертыхаясь и проклиная все на чем свет стоит, Петр Петрович наконец-то с десятого захода завел машину и, подпрыгивая на ухабистой дороге, помчался по деревне.

Едва вылетев за околицу, Лихобабенко увидел беспорядочно семенящую к Медведихе одинокую фигурку. Острое чувство тревоги полностью овладело председателем. В бегущем человеке он тотчас признал Лумумбу Ивановича Сивоглазова. Поднимая клубы пыли, председательский уазик в мгновение ока очутился возле потомственного конюха.

- Стой! - перекрывая скрип тормозов, страшно закричал Лихобабенко, - Что?! Пожар?!

- Головастики! - жутким перегаром дыхнул в физиономию председателя Лумумбу Иванович, - Там, - махнул он рукой в сторону машинного двора, - головастики трактора жрут.

Лихобабенко внимательно посмотрел в белые глаза потомственного конюха и горестно обмяк. Диагноз был ясен без врачебного осмотра - белая горячка.

Последние события совершенно выбили из колеи мужское население Медведихи. Трудовая дисциплина резко упала. Мужики точно ополоумели: то один, то другой впадал в запой и

неделями не выходил на работу. Особенно отличались этим лучший тракторист района Серега и потомственный конюх Лумумбу Иванович Сивоглазов. Лумумбу Иванович допился даже до того, что однажды пригрозил Лихобабенко: если председатель от них с Серегой не отстанет, то он, конюх Сивоглазов, непременно отправит его на какой-то красно-черный остров и там самолично скормит чудовищному головастику. Внимательно выслушав весь этот бред, Петр Петрович посмотрел ему в лицо и, не сказав ни слова, молча пошел дальше, подумав при этом: "Хороший был человек".

Теперь, глядя в белые глаза Сивоглазова, Лихобабенко понимал, что подтвердились его самые худшие опасения. Но удары о рельс становились все чаще и нестерпимее. Казалось, воздух звенел от них. Петр Петрович захлопнул дверцу, и узик рванулся с места. В секунду преодолев несколько сот метров, отделявшие его от машинного двора, председатель быстрыми шагами направился в мастерскую, откуда доносился оглушительный звон. Лихобабенко настежь распахнул полуприкрытую дверь и застыл в изумлении. Такого он все же не ожидал. Лучший тракторист района сидел возле рельса и нещадно лупил по нему молотком. Петр Петрович осторожно тронул сидящего к нему спиной Сергея.

- А-а-а! - от неожиданности Серега вскочил и замахнулся на оштанувшегося председателя.
- Сереженька, что же ты по рельсику долбишь? Может быть, домой пойдешь, баиньки? - слащаво спросил Лихобабенко и скроил на своем лице идиотски-умильную улыбку.
- Какое на х.. баиньки... Головастики одолели! - и Серега с безнадежной усталостью махнул рукой.

От рельса, по которому долбил тракторист, действительно шустро разбежалось множество головастиков. Петру Петровичу показались они несколько странными: не черными, как обычно, а с каким-то серебристо-стальным отливом. Но он не обратил на это внимания. Чего в жизни не бывает.

- Сереженька, золотце мое, - голос Лихобабенко теперь и вовсе растекался патокой, - что же ты, козлик, головастиков безвинных губишь? Ты что? Их в луже наловил?
Серега поднял очумелые глаза. С минуту смотрел на председателя, осознавая вопрос, затем прохрипел:

- В баке тракторном наловил. Они, суки, соляру жрут. А я их по голове!
Председатель секунду помолчал. На своем веку он повидал многое, но такое не приходилось. Краем глаза он оценил, далеко ли до открытой двери, но тут же устыдился.

- Пойдем, Сереженька, вместе посмотрим, где они там в баке? - сладкогласно пропел он.
Оставалась слабая надежда. Показать Сереге бак, полный соляры, присутствие которой не выдержит ни один головастик в мире, и тем самым пристыдить его.

- Пойдем! - зомбированно кивнул Серега.
Они оба подошли к трактору, стоящему здесь же в мастерской. Лихобабенко первый склонился над открытой горловиной.

В баке действительно отсутствовали головастики, но и соляры тоже не было. Более того, тракторный бак, обычно черный от бесчисленных нефтяных наслоений на этот раз был зеркально чист, как будто только что сошел с конвейера.

- Так что я вру, что ли?! - ни с того ни с сего с пол-оборота завелся не совсем трезвый Серега.
Петр Петрович вдруг почувствовал, что у него резко заболела голова. Он прижал руку ко лбу, желая приглушить неожиданно-острую боль, и удрученно произнес:

- А ну-ка все к черту, Сереженька. И головастиков, и тебя, и эту постылую жизнь. Поехали-ка домой.

Машина завелась сходу и поспешно покатила к Медведихе. В сотне метров от деревни двигатель чихнул несколько раз и заглох. Первым выскочил на обочину Серега. Он быстро открыл бензобак и по локоть погрузил в него руку.

- Вот они, суки! А ты говоришь! - радостно заорал лучший тракторист района, поднеся под нос оторопевшего председателя грязную ладонь.

Петр Петрович слегка скосил уже успевшие устать за это утро глаза и криво усмехнулся. Между корявыми пальцами механизатора застряло несколько винтиков, очевидно, каким-то образом попавших в топливный бак.

"Идиот!" - с тоской подумал Лихобабенко и второй раз за сегодняшний день мысленно дал себе слово никогда больше не напиваться.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

ГОЛОВАСТИКИ

(явление второе)

предчувствие Апокалипсиса

Последние события настолько расстроили председателя колхоза Лихобабенко, что он решил предоставить самому себе внеочередной отпуск. Петр Петрович залил полный бак бензина, поскольку путь предстоял неблизкий, и недолго думая рванул на юг, к своим родственникам, погостить и отдохнуть.

В дороге не ладилось. По непонятной причине двигатель буквально пожирал горючее, и машину приходилось останавливать чуть ли не у каждой заправки. Однако все дорожные издержки были моментально забыты, когда уставший Петр Петрович был с распростертыми объятиями принят хлебосольной родней.

О неисправной машине Лихобабенко вспомнил только через неделю, возвратившись с моря, где он несколько дней провалялся на горячем песке. Войдя во двор радушных хозяев, Петр Петрович наткнулся на свой сиротливо стоящий уазик и испытал легкое потрясение, сравнимое с визитом к зубному врачу. Вздохнув и чертыхнувшись несколько раз, он понял, что ремонт неизбежен, и для начала попросил посмотреть машину своего сведущего в технике дядю. Дядя сразу принялся за дело, отослав слегка упирившегося Петра Петровича в беседку пить чай из самовара. Однако скоро чаепитие было прервано самым неожиданным образом. Перед разомлевшим от жары, пирогов и чая племянником внезапно предстал его дядя с видом обескураженным и озабоченным.

- Петя! Что это у тебя в двигателе за дрянь?! - выпалил он и бросил грязную жестянку прямо на стол, уставленный чашками и блюдцами.

Петр Петрович заглянул в жестяную коробку и ничего не понял. Там, наезжая друг на друга, суетливо копошились жизнерадостные головастики. Правда, было в этих, слегка отливающих серебром, симпатичных крошках что-то знакомое, как будто где-то и когда-то уже виденное, но где и когда не вспоминалось.

- Так вот они какие! - радостный возглас прервал всеобщее молчание. Супруга лихобабенского дяди с детским любопытством разглядывала шустрых головастиков. - А я про них все утро читаю, - и она сунула остолбеневшему Петру Петровичу газету.

На первой полосе газеты устрашающими буквами кричал заголовок: "Предчувствие Апокалипсиса!". Ниже, в подзаголовке, сообщалось следующее.

На одной из главных автомагистралей страны внезапно появились до сих пор неизвестные науке, грозящие вселенской катастрофой твари. На вид они совершенно такие же, как обыкновенные головастики. Лишь при внимательном рассмотрении можно заметить легкий

серебристый оттенок, присущий только этим крайне опасным существам. Неизвестно откуда взявшиеся серебристые головастики, в отличие от своих водоплавающих близнецов и всего живого на планете, не только не боятся нефтепродуктов, но стремительно пожирают их. Головастики, уничтожающие бензин, соляру и машинное масло, уже замечены в других регионах страны. Транспорт частично парализован. Принимаются неотложные меры по локализации стихийного бедствия.

Петр Петрович внимательнейшим образом два раза прочитал статью, и вдруг внезапная догадка лезвием бритвы полоснула его по сердцу. В голове, назойливо сменяя друг друга, замельтешились одни и те же картинки. Как-то странно, боком бегущий Сивоглазов с перекошенным в крике ртом и тракторист Серега, зло бьющий молотком по надрывно звенящему рельсу.

Не отдавая себе отчета в том, что он делает, но понимая, что нужно куда-то сообщить, принять экстренные меры, Лихобабенко схватил жестянку с головастиками и кинулся к калитке. Его с трудом остановили, резонно объяснив, что в доме есть телефон, по которому можно позвонить туда, куда надо.

...Через полчаса после телефонного звонка к дому лихобабенского дяди подкатила невзрачная легковушка и маленький грузовичок. Вышедшие из легковой машины штатские очень вежливо, подробнейшим образом расспросили Петра Петровича обо всем, включая его привычки, личную жизнь и серебристых головастиков. После чего старенький узик был прицеплен к грузовику и отбуксирован в неизвестном направлении...

В Медведиху Петр Петрович Лихобабенко добирался уже поездом. В вагоне только и разговоров было, что о серебристых головастиках. Болтали всё подряд. К примеру, что это мутанты, появившиеся в результате химического загрязнения, или даже наделенные разумом космические пришельцы. Однако на одной из остановок в вагон вошел небольшого роста, невзрачный человечек. Едва услышав разного рода толки о ставших притчей во языцех головастиках, он плакатиком развернул зажатую в руке газету и, не говоря ни слова, показал её окружающим. Все замолчали, точно пораженные громом.

"Отец нефтепожирающих головастиков", - изумление Петра Петровича было настолько велико, что он прочитал эту строку вслух, по-детски расставляя слоги. Слова эти значились под большой фотографией, с которой на Лихобабенко странно-задумчивым взглядом смотрел его закадычный друг и приятель Николай Иванович Солнышкин.

- Кто? - надеясь на ошибку, бессильным шепотом спросил Петр Петрович и ухватился за стоящую рядом полную даму, чтобы не упасть.

- Солнышкин! - неожиданным басом рывкнула успевшая просветиться дама. - Николай Иванович. Тот самый, что Касатика выводил, - и, слегка отстранившись от Петра Петровича, добавила мягче. - Пить надо меньше, молодой человек.

Не сознавая, что последние слова также обращены к нему, Лихобабенко смотрел на даму туманным взглядом. В ушах у него стучали мягкие молоточки.

Тем временем молчание в вагоне сменилось взрывом любопытства. Всем не терпелось узнать, кто такой Николай Иванович Солнышкин и почему он вывел не любезного миру Касатика, а внушающих ужас головастиков, питающихся тем же, что автомобили и трактора. Статья немедленно была прочитана вслух.

Профессор Солнышкин горько каялся, что в научные изыскания по выведению Касатика вкралась роковая ошибка. В результате получилось не доброе доисторическое животное, а непонятное существо, очень напоминающее обыкновенного головастика, питается которое, однако, нефтью. Расползлись же серебристые головастики благодаря злополучному метеориту, а также (далее цитировались слова профессора Солнышкина) "капитан-идиоту

Бардельерову и его однойцовому брату, не позволившим нам своевременно отловить головастика в дождевых лужах".

Беседа в вагоне только начинала входить в спокойное русло, а Лихобабенко уже стоял на знакомой станции и удивленно озирался вокруг. Обычно пустынный перрон был запружен народом. Все торопились куда-то с испуганно-озабоченными лицами. Возле огромных тюков с поклажей образовались людские водовороты.

- Послушайте! Скажите!.. - пытался спросить Лихобабенко, но окружающие совершенно не обращали на него внимания. Шла какая-то адская посадка на поезд, более похожая на приступ крепости.

В растерянности Петр Петрович сошел с перрона и тут же наткнулся на древнюю старуху, толкавшую перед собой детскую коляску. Лихобабенко невольно заглянул в коляску. Она была доверху набита пачками соли.

- Что, мать, огурцов много уродилось? - мимоходом обронил Петр Петрович.

Со сплошь изрезанного морщинами лица сверкнули совсем не старческие глаза.

- Да, сынок, - сурово ответила старуха, - скоро ещё больше будет.

Некоторое время Лихобабенко недоуменно смотрел ей вслед, затем побрел дальше. Пройдя сотню метров, он увидел продуктовый магазин, возле которого змеилась огромная очередь. До магазина Петр Петрович не дошел. Он свернул на дорогу, ведущую в Медведиху. Машин не было видно и председатель, наконец, понял, что в родную деревню ему придется добираться пешком.

Лихобабенко прошел уже полпути, когда услышал позади себя топот конских копыт о дорожную пыль. Его догоняла повозка, правил которой никто иной, как Лумумбу Иванович Сивоглазов.

- Добрый день, Петр Петрович, садитесь - подвезу, - в голосе Лумумбы Ивановича не было слышно прежнего задора, да и сам он смотрел удрученно.

Петр Петрович не заставил конюха дважды повторять приглашение. Он вспрыгнул на неспешно едущую телегу и с удовольствием вытянул уставшие от долгой ходьбы ноги. По дороге они разговорились, и председатель узнал "много чего" из того, что происходило в его колхозе. Радостного действительно было мало.

Все горячее в Медведихе, как, впрочем, и во всем районе, было уничтожено серебристыми головастиками. Транспорт повсеместно стоял. Продуктов, правда, пока хватало, но среди населения царил паника. Многие снимались с насиженных мест и уезжали в иные края, которые, по слухам, пока ещё не были поражены серебристо-черным паразитом.

Петр Петрович вполуха слушал конюха Сивоглазова и постоянно смотрел на плывущие облака, но умиротворения как-то не приходило.

Едва переступив родной порог, Лихобабенко, не обращая внимания на обрадованных его неожиданным появлением домочадцев, прямым ходом прошел к резному дедовскому буфету. Он налил себе стакан крепкой, настоящей на калгане, самогонки, не закусывая, выпил и тут же рухнул на свой любимый, мягкий, покойный диван. Через минуту по всему дому разносился богатырский храп. Утомленный бешеной жизнью Петр Петрович беспробудно спал.

Проснулся Лихобабенко от громкого вороньего карканья. Напротив раскрытого окна на огородном шесте, наставя на Петра Петровича черный, наглый глаз, сидела огромная ворона. Что-то нехорошее почудилось председателю. Он встал по привычке включил телевизор и ... отшатнулся. С экрана на него напозлали бесчисленные полчища серебристых головастика.

Шли новости. Диктор, стараясь придать своему голосу бесстрастность, рассказывал, какие районы страны подверглись нашествию пожирателей бензина и соляры. Мелькали кадры, на которых знающие люди поясняли, как нужно бороться со страшным бедствием. Перед телевизионной камерой явно позировал молодой человек в спецовке. Он выхватывал дергающихся головастика из ведерка и с грохотом плющил их на куске металла.

Лихобабенко отвернулся и стеклянными глазами уставился в окно. Ворона уже улетела. За спиной что-то монотонно бубнил телевизор. Жена на кухне гремела кастрюлями. Петр Петрович ничего не слышал и не видел. Липкое чувство страха заползло в его сердце, парализуя волю и тело.

Из тяжелого забвения Лихобабенко вывел удивительно знакомый голос. Он невольно повернулся. С телевизионного экрана на него смотрела физиономия человека, которого он сейчас откровенно ненавидел. Руководитель проекта по выведению Касатика, чудом перевернувшийся троллем Николай Иванович Солнышкин бойко уверял с экрана, что средство от нефтепожирающих головастика будет найдено в ближайшее время.

В горле Петра Петровича что-то всхлипнуло. Дыхание сперло. Он зарычал, схватил со стола тяжелую бронзовую пепельницу и занес её над работающим телевизором.

- Петя! - пулей пронзил его крик. В дверях стояла супруга.

Петр Петрович заторможено поставил пепельницу на место, так же заторможено выключил телевизор и, не обращая внимания на обеспокоенную жену, направился в чулан, где хранились его рыболовные принадлежности.

Через час Лихобабенко был уже довольно далеко от дома. С рюкзаком за плечами и удочками в руках мерным шагом шел он проселочной дорогой. Его путь лежал за горизонт, к манящему озеру, синим облаком упавшему в дремучий лес.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Петра Петровича Лихобабенко ... в кошмарную ночь

В лесу было славно. В знакомой заводи Лихобабенко спугнул пару уток, и они улетели, свистя крыльями. Петр Петрович разбил свою выдавшую виды палатку, на старом, прошлогоднем костровище развел огонь и долго сидел, зачарованно глядя на пламя, весело трещавшее еловым валежником. В тихом озере, затаившемся в высоком прибрежном тростнике, быстро тонули житейские невзгоды.

На вечерней зорьке Лихобабенко закинул удочку и с каким-то истовым наслаждением стал ждать поклевки. Минуты через три поплавок упал и медленно исчез с водной глади. Петр Петрович потянул, трепеща сердцем, но вместо ожидаемого леща на берег упала большая плотвица.

Клевало не очень. Очевидно, к перемене погоды. Но, положив руку на сердце, Лихобабенко была нужна не рыба, а рыбалка. К ночи он сварил уху, которая после ста граммов елась на удивление аппетитно. Не спеша поужинал. Зевнул так, что чуть было не вывихнул челюсть и, не мешкая, забрался в палатку. Глубокий сон смежил его веки.

На озере Петр Петрович пробыл несколько дней, питаясь рыбой, хлебом и водкой. За это время он настолько слился с лесным бытием, что все происходившее за пределами этого круга казалось ему мелким и незначительным. Вот почему, возвращаясь домой, Петр Петрович был совершенно уверен, что в Медведихе, как и у него в душе, воцарились мир и спокойствие, и жизнь вошла в привычную колею.

Действительно, едва председатель вступил в родную деревню, как его взору предстала пасторальная картина. Радостно-трезвый тракторист Серега большущей кистью старательно красил фасад своего дома.

- Здравствуй, Сереженька! Ты никак мне в земляки набиваешься. Ишь свою хату, как хохол, белишь, - шутки ради сказал Лихобабенко, весьма довольный тем, что лучший тракторист района наконец-то не пьян и занят делом.

Однако ответ председателю последовал более чем странный. Серега махнул кистью так, что белесыми брызгами обдал Лихобабенко, и заявил:

- От жизни отстал, Петр Петрович. Вся деревня уже в хохлы записалась. Кроме тебя...

- Ну-ну, - не зная, что сказать, несколько смущенно пробормотал озадаченный председатель и восвояси побрел дальше.

Пройдя немного по улице, он увидел еще один побеленный известью дом, затем ещё и ещё. В задумчивости Лихобабенко свернул за угол и невольно остановился возле столь знакомой ему калитки.

- Что стоим, Петр Петрович? Заходите. Вам здесь всегда рады, - доброжелательный голос доносился из беседки, почти невидимой за раскидистой яблоней.

Лихобабенко не заставил повторять предложение дважды и вошел в садик. В беседке за столиком со скромными закусками и водкой сидел отец Серафим и с философско-грустным видом созерцал пышные облака, проплывающие на горизонте.

- Добрый день, - не скрывая разлившейся по лицу улыбки, поздоровался Петр Петрович с приятным ему человеком. - Что делаем?

- Отдыхаем, - повернул батюшка осеянную солнцем медно-красную голову, - и просвещаемся, - с последними словами он подвинул приятелю напечатанную на грубой бумаге брошюру.

Лихобабенко машинально пролистал брошюру. Это была изданная несколько десятков лет тому назад памятка по гражданской обороне. На пожелтевших от времени листах угловатые фигурки надевали противогазы, рыли траншеи и делали что-то ещё, что, по мнению автора, должно было уберечь их от всепоражающего ядерного огня.

- Вы что, отец Серафим..., - на слове "спятили" Петр Петрович невольно споткнулся.

Однако вопрос был уже угадан.

- Если я и сошел с ума, - с ленцой возразил батюшка, - то, по крайней мере, менее всех прочих. Вот послушайте, что болтают, - толстый палец отца Серафима небрежно ткнул в клавишу стоящего в беседке транзистора.

По радио шел обзор последней прессы, более похожий на военную сводку. Серебристые головастики каким-то образом уже успели проникнуть во многие богатейшие месторождения нефти. Каких-либо действенных средств для борьбы с ними пока не было найдено. Во всем мире шли жестокие споры за остатки энергоресурсов. Великие державы вели себя, как пьяные мужики возле шалмана. Они вспоминали другим странам старые обиды, придумывали новые и грозились набить друг другу морду ядерными боеголовками. В устах диктора, зачитывающего цитаты из свежих газет, ни разу не прозвучало слово "война", но тяжелый, пахнущий кровью и грязью дух его насквозь пропитывал короткие комментарии.

Оглушенный потоком сногшибательных новостей, Лихобабенко поспешно выключил приемник и обвел беседку округлившимися глазами. Взгляд его вновь упал на пожелтевшую от времени, потрепанную брошюру. Только сейчас он обратил внимание на угловатого человечка с такой же большой, как у тракториста Сереги, кистью. Петр Петрович заворожено прочитал пояснение к рисунку. В памятке по гражданской обороне настоятельно рекомендовалось при угрозе ядерного нападения все деревянные постройки обработать известью.

- Молодцы, ребята! - негромко воскликнул батюшка, перехватив взгляд приятеля, - Всю деревню побелили. Строго по инструкции, - затем, лениво зевнув, продолжил, - Вот я и думаю: следовать примеру этих идиотов или нет? Белить или не белить? Почти как у Гамлета, - клешней-ладонью отец Серафим, как муху, прихлопнул встопорщенную листами брошюру и заключил, - Пожалуй, не белить. Давайте лучше выпьем.

...Домой Лихобабенко попал только поздно вечером. В сенях отчасти из-за крошечной темноты, отчасти из-за того, что был порядочно пьян, он далеко не сразу нашел выключатель, затем долго и безрезультатно им щелкал.

- Что, лампочку сменить лень? - выговорил Петр Петрович вышедшему на шум сыну.

- Три дня как электричества нет, - коротко ответил тот.

Не говоря больше ни слова, глава семейства прошел в дом, кое-как разделся и замертво рухнул в постель.

...Проснулся Лихобабенко ночью от кошмарного сна. Матерый волчище пристально, не мигая смотрел ему в глаза. Затем, не отводя своего жуткого взгляда, он завыл протяжно, надрывно и страшно. В холодном поту вскочил Петр Петрович на кровати. Леденящий кровь вой продолжался и наяву.

- Война! - истерично всхлипнула рядом жена.

Как были в исподнем, они бросились из дому. На улицу вместе с ними в кальсонах и ночных рубашках высыпала вся Медведиха. В иное время подобное зрелище вызвало бы, по крайней мере, улыбку. Сейчас никто не смеялся.

Паника продолжалась около часа. Наконец, кто-то сказал, что это не сирена гражданской обороны, а чья-то глупая шутка, возможно, Телеграфного Столба. Поверили не все. И ещё долго по улицам Медведихи скитались белые призраки с испуганными лицами. Они то и дело включали прихваченные с собой транзисторы в надежде услышать объяснение ночной тревоге. Но по радио звучали лишь бравурные марши.

Тяжелым сном медведихинцы забылись только под утро. Но, видно, не суждено было им отдохнуть в эту ночь. Первые лучи солнца ещё не успели тронуть деревенские крыши, как на Медведиху обрушилась новая напасть. Жители вздрогнули и вновь вскочили с постелей от взорвавшей дремотную тишину дикой музыки. Она напоминала искрометную украинскую плясовую, доведенную до извращенного неистовства.

Не сговариваясь, все взрослое население рванулось к Телеграфному Столбу. После потрясшего медведихинцев волчьего воя сирен ни у кого не возникло сомнения в том, что это именно он решил повеселиться нынче ночью.

Впереди, задыхаясь от бессонницы, ярости и похмелья тяжело бежал Петр Петрович Лихобабенко с мясницким топором в руке. Рядом с ним громыхал пудовыми сапогами тракторист Серега, вооруженный здоровенным гаечным ключом. Позади катила бешеная толпа с острыми металлическими предметами. Мыслей не было никаких. Чувство одно, но яростное и беспощадное: спилить, срубить, разнести в щепы. Однако как только разъяренная свора оказалась в опасной близости от своего мучителя, веселая плясовая оборвалась, и в обрушившейся тишине оглушительно прогремел унтер-офицерский бас: "Стоять! Смирно!"

Команда была подана так неожиданно и резко, что передние ряды застыли, как вкопанные, вытянув топоры и пилы по швам. Задние немедленно накатили на них штормовой волной. Образовалась грандиозная свалка.

- Благая весть! - выдержав паузу, торжественно провозгласил Столб над барахтающейся кучей тел, - всем немедленно разойтись по домам и включить телевизоры.

Вылезшие из грязи разом присмирившие медведихинцы, не помышляя больше о мести, устало разбредались по улицам. Лихобабенко плелся последним.

Дома Петр Петрович включил телевизор, ещё недавно молчавший из-за отсутствия электроэнергии, и несколько не удивился тому, что на замерцавшем экране тут же обозначился Ермолай Степанович Пендель. Пендель посмотрел на Петра Петровича грустными пороссячьими глазками и доброжелательно проскрежетал: "Благая весть". Камера вильнула в сторону и обнаружила в студии также Льва Абрамовича Кениса и Николая Ивановича Солнышкина. На столе, за которым они сидели, стояла стеклянная трехлитровая банка, в

которой домовитые хозяйки обычно закатывают на зиму огурцы. Казалось, исполнители грандиозного проекта собрались в студии для того, чтобы поведать телезрителям какой-то редкий рецепт консервирования овощей, выращенных на дачном участке. Словно для того, чтобы усилить это впечатление, Лев Абрамович неожиданно оживился, энергично потер ручонками, точно собирался трением добыть огонь, и радостно провозгласил:

- А сейчас мы вам расскажем нечто очень интересное.

- И покажем тоже, - значительно кивнул головой Николай Иванович Солнышкин.

Но Петру Петровичу Лихобабенко не суждено было увидеть и услышать то, что хотела поведать миру известная троица. В комнате раздавался мощный храп. Измученный кошмарной ночью председатель спал беспробудным сном.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

ГОЛОВАСТИКИ

(явление третье)

супера

Петр Петрович Лихобабенко раскрыл глаза и поморщился: малоприятно быть разбуженным спозаранку громким скандалом. В открытое окно вместе со свежим утренним ветерком доносились истошные крики, явно означавшие выяснение не совсем трезвых отношений. В сплошной мат, исторгаемый надрывными глотками, изредка вплетались измятые пьяными языками слова, по которым можно было судить о причинах спора. Голоса председателю были явно знакомы. Петр Петрович нехотя встал с постели и выдвинулся в оконный проем.

- Сереженька! - полузевнув, томно спросил он, - Что же ты, орел сизокрылый, в такую рань драться удумал. До обеда не мог потерпеть?

- А работать мне как, Петр Петрович? - Он, гад! - Серега мстительно пнул дрябло расплывшееся на земле тело, - Напарник мой хренов! Моих суперов пропил!

- От-т-дам! - приподняв свинцовую голову, промычал пьяный в дым тракторист, - Ско-р-ро!

Прошло полгода со времени памятной кошмарной ночи, взбудоражившей всю Медведиху. За это время "благая весть", озвученная по телевидению Ермолаем Степановичем Пенделем и его "сотоварищи", в корне изменила роковой ход событий.

Торжествующая троица представила миру свое новое достижение: выведенных в секретных лабораториях и доселе совершенно неизвестных науке коричнево-желтых тварей, получивших название суперголовастиков или попросту суперов. В телевизионной студии Кенис и Пендель под руководством профессора Солнышкина помещали в трехлитровую стеклянную банку серебристых головастиков и суперов. Со скоростью, близкой к горению пороха и с таким же зловещим шипением супера моментально пожирала своих серебристых собратьев.

С появлением суперголовастиков жизнь как-то неожиданно быстро вошла в привычную колею. Все было по-прежнему. О минувших потрясениях напоминали лишь коробочки с суперами, продававшиеся на каждой автозаправке. Механизаторам они выдавались бесплатно, в правлении колхоза и тут же благополучно пропивались. На этой почве и произошел казус с утренним мордобоем.

Раздосадованный тем, что председатель не дал ему как следует отлупить напарника, бессовестно пропившего его суперов, Серега шел по улице, широко размахивая руками. Злость переполняла его. Нужно было выходить в поле, а без суперголовастиков в топливном

баке работать категорически запрещалось. "Где взять суперов?" - эта мысль настолько занимала Сергея, что он даже не заметил вылетевшего из какой-то подворотни Лумумбу Ивановича Сивоглазова.

- Ой! - воскликнул от неожиданности потомственный конюх и, сметенный могучей грудью тракториста, рухнул на землю.

- Иванович, извини! Не хотел! - Серега обеими руками легко взметнул упавшего Сивоглазова и стал отряхивать его от пыли.

Однако Лумумбу Иванович вел себя как-то странно. Он схватил Сергея за рукав и залепетал, умильно округлив глазки:

- Сереженька! Золотце! Пойдем со мной, я тебе кое-что покажу, - с этими словами он потащил удивленного механизатора в ворота, из которых только что выбежал сам.

Они вошли во двор, где хранился уголь, предназначенный для колхозной котельной. В иное время Сергей и сам заглядывал в это уединенное место для того, чтобы подальше от глаз начальства "раздавить бутылочку" с друзьями. Но сейчас, влекомый потомственным конюхом, он откровенно недоумевал: что тот от него хочет? Все стало до омерзения ясно, когда Лумумбу Иванович подвел Сергея к каменноугольному косогору и начал лихорадочно расстегивать ширинку.

- Ты что, гадюка! - чугунный кулак взметнулся над струхнувшем конюхом.

- Подожди, Сереженька! - Сивоглазов суетливо хватал Сергея за руки и заискивающе заглядывал ему в глаза.

Что-то в его голосе заставило Сергея остановиться. Воспользовавшись паузой, Лумумбу Иванович рванул упорно не расстегивающуюся ширинку. Пуговицы посыпались горохом и потомственный конюх, к удивлению Сергея, начал мочиться на каменноугольную россыпь.

- Смотри, Сережа! - заговорщицки бормотал Сивоглазов.

Догадываясь, что он имеет дело с сумасшедшим гомосексуалистом, Сергей невольно обратил свой взор за указующим перстом Лумумбы Ивановича и почувствовал, как волосы у него на голове зашевелились.

Брызги от мочи конюха не разлетались как им было положено, а стремительно разбегались в разные стороны. Сергей со страхом посмотрел на Сивоглазова. Потомственный конюх ответил ему понимающим взглядом.

- А-а-а! Сереженька! Я тоже сначала подумал, что сошел с ума. Не-е-ет! Смотри! - с этими словами он схватил большой кусок каменного угля и сунул его под нос Сергею. Уголь, точно трухлявое дерево, был весь источен норками-ходами. Из одной норки показалась было блестящая коричневатая капля, но тут же исчезла.

- Го-го.., - Серега боялся произнести это слово.

- Не-е-т... это не просто головастики, - с каким-то опустошенно-горестным видом возразил ему конюх, - это супера. Я думаю, Сережа, они серебристых сожрали, а когда есть стало нечего, перекинулись на уголь. Наверное, и нефть жрут, - после некоторого раздумья добавил он растерянно.

Не говоря худого слова, Серега расстегнул ширинку и начал зло хлестать струями направо и налево. Эффект был ошеломляющим. Уголь пожелтел от потревоженных головастиков. Это были те самые супера, которых ещё несколько минут назад так искал Серега. Но вместо радости лицо последнего выражало растерянность и тревогу.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

АПОКАЛИПСИС

и был Свет, и Земля содрогнулась

На улицах Медведихи было полно народу. Тащили нехитрый скарб. Со слезами оглядывались на родные дома и уходили навсегда. Многие задерживались у Телеграфного Столба. В последнее время он стал достопримечательностью деревни и жители трогательно с ним прощались. Столб играл вальс "На сопках Манчжурии", марш "Прощание славянки", "Врагу не сдается наш гордый "Варяг" и прочие мелодии. В перерывах между музыкой он душевно напутствовал односельчан: "Простите меня, братцы, если что... не помните зла... Хорошего было больше...".

Его обнимали, целовали, а Столб продолжал разрывать сердца: "Чую, братцы, не увидимся более. Не поминайте лихом...".

Многие тихо плакали...

Все рухнуло в одночасье. Супера стремительно пожирала запасы солнечной энергии на планете. Как средство от серебристых головастика, заботливой рукой они были помещены во все мыслимые нефтяные резервуары и одновременно начали свою страшную работу. Почему это произошло, никто не знал. Объясняли мутациями, космическими излучениями. Объясняли чем угодно, не находя объяснений. Впрочем, все понимали, что это было уже и неважно. Рок довлел над Миром. Черная туча, которая ещё совсем недавно, казалось, прошла стороной, теперь надвинулась вплотную.

К вечеру в деревне не осталось ни единой души. На пустынных улицах валялись рваные газеты, цветные тряпки, потерянные башмаки. Ветер листал брошенную книгу. Телеграфный Столб играл реквием Бетховена.

...Вечер выдался ясный и теплый. Солнце мягко освещало предзакатные облака. Легкий ветерок шелестел зеленой листвой. Шмели, гудя, облетали цветы и ссорились с пчелами из-за нектара. Все было как всегда. Ничто не предвещало беды, когда яркая ослепительная вспышка сожгла полумрак и тени. И не стало ничего... Один неземной всеуничтожающий Свет. Горизонты заходили и необычайно раздвинулись. Земля содрогнулась от боли. Эта дрожь передалась людям и вселила в них леденящий ужас. Они пали ниц. Иные молились. Иные стенали. Иные проклинали мать, давшую им жизнь. Это пришла Война...

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

БЕСЕДА ТРЕТЬЯ

умных и многоинтеллигентных людей
(протекающая в несколько стесненных условиях
и прерванная самым неожиданным образом)
"О даунятах"

Оплавленные камни. Искореженный дьявольской силой металл. Огромные язвы-воронки, обезобразившие тело планеты. Земля, изнасилованная войной, лежала покорная и бессильная, седая от ядерного пепла.

- За победу! - Лев Абрамович Кенис поднял граненый, слегка наполненный водкой стакан.

- Вам в морду сейчас дать или потом? - мрачно взглянул на него отец Серафим.

В лесочке, чудом уцелевшем после ядерного Апокалипсиса, заседала прежняя компания: отец Серафим, отставной профессор Солнышкин, а также Петр Петрович Лихобабенко и Лев Абрамович Кенис. Как они снова оказались вместе, никто доподлинно не знал. Война смеялась над людьми, то разбрасывая их далеко друг от друга, то собирая вместе, точно порывистый осенний ветер опавшую листву.

- Да ладно уж вам. Сразу в морду, - возразил батюшке Петр Петрович Лихобабенко, - Ну, сказал человек не подумавши. Возьмите лучше огурчик, Лев Абрамович, закусите.

- Благодарствуйте, - несколько на старинный манер поблагодарил Кенис и со вкусом раскусил огурец. - Наверное, это ваши, Николай Иванович, огурчики. Как они великолепно хрустят.

- Его-то его... - вдруг за Солнышкина откликнулся отец Серафим, - но только не огурчики... - и, мрачно посмотрев на Кениса, добавил, - пепел стряхни, дауенок. Это он хрустит.

Лев Абрамович посмотрел на ядерный пепел, который не удосужился обтереть Лихобабенко и бросил огурец на землю.

- Огурцы мои. К пеплу отношения не имею, - обидчиво поджал губы профессор.

Отец Серафим запальчиво открыл рот для достойного ответа, но в это время завизжал Кенис:

- А почему это, батюшка, вы меня дауенком обозвали?

- Дауенок! - подтвердил отец Серафим, - Оба вы даунята - и ты, и ты, - толстый палец бывшего военного летчика поочередно воткнулся в Кениса и Солнышкина. Жили б в Спарте, я бы вас, даунят, со скалы бросал, - и после некоторого раздумья добавил, - в младенчестве.

- Правильно! - заорал так, что все вздрогнули, втихаря пропустивший пару стаканчиков Петр Петрович, - Отменить барокамеры и презервативы. А то: "Человек создан для полета, как птица для счастья". Куда он, к черту полетит, если его в барокамере выходили, и он еле ползает.

- Барокамеры - это, положим, понятно, - осторожно отозвался Николай Иванович, - А презервативы-то причем?

- А притом! - почему-то на злой шепот перешел отец Серафим, - чтобы все было натурально. Заболел - подыхай. Забеременела - рожай.

- А всех ученых в клетку. Пускай там изобретают! - не совсем понятно заключил мысль своего приятеля Петр Петрович, тихо икнув.

- Да вы все идиоты, - пробормотал не менее пьяный, чем его собутыльники, Кенис.

- А ты умный?! - взревел батюшка, - Эвон что такие, как ты, умные натворили! - рукой-лопатой он сгреб радиоактивный пепел, намереваясь поднести его к носу Льва Абрамовича. Но тот успел уклониться. И как-то само собой получилось, что черно-серая грязь, предназначенная для Кениса, обляпала физиономию сидевшего рядом профессора Солнышкина. Николай

Иванович сжался в комок, как от боли. Лицо его исказилось судорогой. Слезы одна за другой заструились из глаз. Отец Серафим затих и, виновато отведя взгляд, забормотал извинения. Однако Солнышкин его не слушал. Размазывая по щекам пепел, он тихо всхлипывал, как незаслуженно обиженный ребенок. Никто не знал, как долго бы все это продолжалось, но тут Лихобабенко издал крик, означавший крайнее удивление. Рука Петра Петровича простиралась вверх. "Смотрите!" - словно говорил весь его вид.

Все невольно подняли головы. Гигантская, хорошо пропеченная баранка обручем сдавила лазурное небо. Баранка была густо обсыпана маком и своими размерами производила впечатление ошеломляющее, граничащее с умопомешательством. Друзья, позабыв обиды и ссоры, смотрели на неё, затаив дыхание. Они чего-то ожидали, чего-то необыкновенного и удивительного, что сейчас непременно должно было произойти. И вот в бесконечной дали, почти у самого горизонта, одно маковое зернышко пропало, и вместо него появился маленький смешной человечек.

Человечек был одет крайне необычно и очень напоминал клоуна, сошедшего с цирковой арены. Нелепые башмаки с ярко-красными набалдашниками-носками, казалось, излучали свет. Такими же яркими были и огромные желтые клеши с беспорядочно рассыпанными по ним пятнами от давленной клубники. На полосатой матросской тельняшке кричал и бесновался красками широчайший обезьяно-пальмовый галстук.

Человечек в ярко-клоунском наряде находился очень далеко. Трудно было даже на глаз определить расстояние, отделявшее его от невольных зрителей. Но каждая деталь одежды, каждая черточка лица были настолько хорошо различимы, что Кенис, нисколько не сомневаясь, ошеломленно прошептал:

- Ермолай Степанович...

Пендель с невероятной высоты посмотрел на Льва Абрамовича и доброжелательно улыбнулся.

- Кажется, он не один, - забыв о своих обидах, профессор не мог отвести от баранки зачарованного взгляда.

Действительно, оглянувшись вокруг, можно было увидеть сотни и тысячи доброжелательно улыбающихся Пенделей. Повинуясь какому-то таинственному сигналу, они все, как один, вдруг зашагали по невидимым лестницам вниз. Следом за ними из баранки появлялись все новые и новые Пендели. Скоро уже шеренги Ермолай Степановичей нисходили на землю точно к тому месту, где в полном изумлении застыли вскочившие на ноги приятели.

- Остается допить водку, - мрачно констатировал отец Серафим, - думаю, нам крышка.

Возражений не последовало. Все расселись вокруг костра и, стараясь не смотреть вверх, выпили сначала по первой, потом - по второй, а затем и по третьей. Когда же после пятой или шестой рюмки Петр Петрович не выдержал и как бы случайно взглянул на небосвод, то чистосердечно признался:

- По-моему, нам пить вообще не надо. Чем больше пьем - тем больше трезвеем.

Устремив свои взгляды значительно выше горизонта, собутыльники убедились, что Петр Петрович бесконечно прав. Еще совсем недавно радовавшая своей чистотой небесная лазурь теперь была наглухо закрыта свинцовыми облаками. Никакой баранки и вылетающих из неё множества Пенделей не было видно и в помине.

Ночь прошла на удивление спокойно. Друзья безмятежно спали. Утро выдалось ясным и теплым, как будто ничего не было, и вселенская катастрофа всем приснилась. Во время завтрака выяснилось, что Лев Абрамович исчез. Искать не стали, полагая, что обидевшись на отца Серафима, он ушел ненадолго и скоро вернется. Но Кенис так и не вернулся ни в этот день, ни на следующий. Он пропал бесследно.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

ПРОБУЖДЕНИЕ

Льва Абрамовича Кениса,
весьма странное, как и многое в этой книге

Между тем "потерявшийся" Кенис проснулся примерно в одно и то же время, что его друзья, но не возле костра, а в своей маленькой скромной квартирке, пребывая в полной уверенности что никакой вселенской катастрофы вовсе не было и что ему, как всегда, в означенное время надлежит явиться на службу.

Даже будучи директором огромной стройки он так и не удосужился поменять свою малогабаритку на роскошные апартаменты. Слишком сильна была привязанность к её простенькой планировке и как будто сросшейся с ней старинной, ещё доставшейся от деда мебели. Особенно Льву Абрамовичу нравилось, что окна его квартиры выходили на речку Пречиста-Каменка, за которой раскинулся звонкий сосновый бор.

Вот и сейчас Кенис с наслаждением потянулся, так что хрустнула каждая косточка, подошел к окну и отдернул занавеску. То, что он увидел, повергло его в оцепенение. Лев Абрамович, наверное, с минуту смотрел в окно, не двигаясь и не произнося ни слова.

Вместо речушки Пречиста-Каменки и соснового бора за окном его квартиры расстилалось черное небо. Оно было не привычным бархатно-теплым, а пронзительно-далеким, уходящим в бездну с острыми, режущими глаз звездами.

Кенис, как автомат, двинулся к выходу, ведущему на лестничную площадку. Дверь была точно такая же, как и прежде, со знакомыми, почти родными царапинками и впадинками. Однако Лев Абрамович остановился в нерешительности. Он медлил ее открыть, страшась увидеть нечто ещё более неожиданное, не поддающееся объяснению.

Но дверь открылась сама собой. На пороге стоял Ермолай Степанович Пендель. Через дверной проем Кенис узрел знакомую лестничную площадку с несколько облупившейся краской на стенах и выщербленной плиткой на полу. Лев Абрамович тут же ободрился и начал вспоминать, где он был вчера и сколько выпил, если сегодня ему грезятся такие кошмары.

- Как дела, Ермолай Степанович? - спросил он, стараясь казаться развязным. Во сколько у нас сегодня планерка?

Однако вместо привычного доклада о грядущей планерке Пендель вдруг встрепенулся, словно пламя, настигнутое порывом ветра, и произнес:

- Тебя ждут, о Великий!

И тут Кенис с ужасом понял, что и Пендель какой-то не такой, что не осталось и следа от его клоунской расхлябанности, что даже голос Ермолай Степановича теперь звучит как-то глухо, потусторонне, словно не принадлежа своему владельцу. В последней надежде, что его разыгрывают, Кенис заглянул в глаза своему секретарю, надеясь увидеть в них насмешливо-снисходительные искорки, но тут же отшатнулся. В глазах Пенделя застыла ледяная бесконечность, такая же, как за окном квартиры Льва Абрамовича.

Ермолай Степанович настезь распахнул дверь, и маленькую прихожую залил голубоватый, неземной свет. Не осознавая, что он делает, Кенис сделал шаг вперед... За порогом его скромной квартиры не было привычной лестничной площадки, не было пола, в общем ничего не было, был только свет, льющийся ниоткуда и отовсюду. Лев Абрамович вдруг увидел, что он стоит на некоем возвышении, сотканном из того же всепроникающего голубого света. Далеко внизу более угадывались, чем виделись тысячи и тысячи тонких полупрозрачных фигурок.

Послышались звуки, одновременно напоминающие шелест листвы, журчание ручья и пение птиц. Они сливались в удивительную мелодию, обнимающую все пространство. Сотканые из нежных лучей фигурки вытянулись ещё более и, следуя чарующей музыке, стали двигаться медленно и плавно, словно фантастические водоросли под течением вечной реки.

Лев Абрамович Кенис стоял на льющемся голубом потоке и ясно осознавал, что все происходящее внизу грандиозное действо прямо относится к нему. Это переполняло его множеством чувств, главными из которых были восторг и жутковатая гордость.

Тем временем среди полускрытых загадочной дымкой удлинённых силуэтов произошло легкое движение. Колеблющиеся в такт музыке фигурки вытягивались вереницей и без каких-либо видимых усилий поднимались к голубому потоку, на котором стоял Кенис. Они проплывали мимо Льва Абрамовича и, вырывая невидимые сердца, возлагали к его стопам пригоршни трепещущего света.

Свет давал теплоту и радость. Радость переходила в непостижимую разумом огромную мощь. Кенис чувствовал, что он перестает быть человеком, а становится кем-то иным: сильным и властным, способным вершить судьбы Мира. Слезы сами текли из его глаз. Это были слезы благодарности к этим, пока неведомым для него, но ставшим уже близкими, существам, отдающим ему часть себя, часть своей энергии, силы и любви.

...Поток иссякал. Вот уже последний из долгого ряда приблизился к Кенису. Но вместо того чтобы передать Льву Абрамовичу трепещущий, дышащий энергией свет, он посмотрел ему в глаза пронзительно и странно. Кенис успел признать в подошедшем Пенделя и даже слегка приоткрыл рот для того, чтобы что-то сказать. Но не успел - сон, подобный смерти, сразил его наповал.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ,

первое в жизни Великого жреца и
Повелителя Священного животного

Оглушительный рев, подобный реву огромного входящего в гавань парохода привел Льва Абрамовича в чувство. Он стоял на берегу безбрежного водного пространства. Тихие волны неспешно перебирали изумрудную гальку. За остроконечными черно-красными скалами возвышалось горное плато, на котором колебались в фантастическом танце тысячи людей-водорослей.

Трубный звук вновь сотряс воздух, и над водой показался бронзовый бивень. На берег с особой тяжелой грацией выкатился гигантский, черный, как ночь, головастик.

Кенис находился на узкой прибрежной полосе, зажатой между морем и неприступными скалами. Бежать было некуда. Но страха не было в душе Льва Абрамовича. Он сделал шаг навстречу чудовищу, затем второй, третий и не услышал, а скорее почувствовал восхищенный вздох, донесшийся с плато. Кенис прошел ещё немного и остановился так, что острие бронзового бивня почти упиралось ему в грудь. Новый трепетный вздох пронесся над изумрудным берегом. Всё замерло вокруг. Время остановилось...

Легкая дрожь пробежала по телу Кениса. Повинуясь таинственной силе, внушающей ему бесконечную уверенность в себе, Лев Абрамович протянул руку и, не колеблясь, положил её на бивень. Кровь оросила бронзовое остриё. Над агатовым гигантом взлетела и медленно растеклась окрест щемящая сердце, протяжная и заунывная мелодия. Так охотничий рог

тоскует и плачет над поверженной ланью. От черно-красных утесов оторвались и двинулись по направлению к чудовищу двуногие тени. Это были люди, в страхе сросшиеся со скалами. Они зомбированно шагали в такт рвущей душу музыке.

С фотографической точностью Кенис представил себе, что сейчас произойдет. Но страшная картина, отпечатавшаяся в мозгу Льва Абрамовича, не произвела на него ни малейшего впечатления. Для этих людей, частью которых он являлся совсем недавно, в душе его царил лед и мрак. Вся любовь, на которую он был только способен, теперь была отдана черному чудовищу.

Люди шли, как быки на бойне. И так же, как мясника, Льва Абрамовича совершенно не интересовало, что каждый из них кого-то любит и безумно, как и он сам, хочет жить. И подобно мяснику, подводящему жертву под разящий удар, Кенис досадовал на то, что они шли несколько не так, как, по его мнению, следовало. Он поднял руку, и приговоренные изменили свой ход. Вперед вышли двое. Миловидная женщина с изможденным лицом вела за руку маленькую девочку. Они шли не спеша, как на прогулке, и только неправдоподобно расширенные глаза выказывали необычайность их душевного состояния.

Вот они пересекли невидимую черту. Девочка упала на изумрудную гальку. Красная пена хлынула у неё изо рта. Глаза женщины ожили, сверкнули огнем. Она повернулась к Кенису, пытаясь крикнуть что-то, полное боли, ненависти и отчаяния, но слова захлебнулись кровью, движения исказились судорогой. Она рухнула рядом с девочкой, извиваясь и разбрасывая зеленые камни.

Один за другим люди покорно шли на заклятие. Скоро уже весь берег был завален их телами. Они лежали тут и там в причудливо-неестественных позах. На фиолетово-черных лицах в лучах закатного солнца светилась алая полоса. Она рассекала черепа поверженных, следуя невидимому глазом, но страшному удару.

Каждой клеткой своей плоти Кенис чувствовал, как насыщается огромное животное, и это радовало его. Однако что-то беспокоило Льва Абрамовича. Несколько раз он менял порядок подхода жертв, направляя на смерть то одного человека, то сразу нескольких. Но смутное чувство тревоги не покидало его. Кенис сделал жест, означающий окончание церемонии и, шагая по фиолетовым трупам, вплотную приблизился к гиганту. То, что он увидел, чрезвычайно огорчило его.

Возле самого основания бивня, бронзовыми буграми выступающего над агатовой кожей, пучился большой синеватый нарост. Кенис положил ладонь на рыхлую опухоль. Колосс вздрогнул и замер. Несколько мгновений Лев Абрамович колебался. Его сдерживала боязнь причинить боль этому близкому для него существу. Наконец, он вонзил пальцы в синеватую коросту - гигант сжался стальной пружиной. Глухой стон сотряс его тело. Кенис отшатнулся. Волна зловония ударила ему в лицо. Белые, величиной с палец, черви падали и извивались на бронзовом бивне. Едва преодолевая себя, Лев Абрамович обдирал запекшийся гной. Его мутило. Но, несмотря на это, он очень осторожно вытаскивал впившихся в воспаленную плоть червей, понимая, что каждое его движение причиняет огромному существу неизъяснимое страдание.

Едва последний червь был раздавлен, как в глазах Льва Абрамовича померкло. Он пошатнулся и почувствовал что падает. Бронзовый бивень подхватил щуплое тело и высоко взметнул его...

Когда Кенис открыл глаза, перед ним расстилалась бесконечная синева. Он лежал навзничь и ясно ощущал биение могучего сердца. Оно быстро наполняло его энергией. Кенис встал во весь рост и с высоты горой поднимающегося над водной гладью колосса увидел вокруг себя безбрежный, удивительно спокойный океан. Волна необъяснимой радости захлестнула Льва Абрамовича. Он запрокинул голову и закричал что-то звонкое, счастливое, радостное. Его крик

плавно перелился в трубный рев гигантского животного и далеко раскатился по безбрежному водному пространству. Кенис понял: вся мощь этого существа теперь покорна ему. Гордость переполняла его. Но это не была гордость человека. Отныне он принадлежал другой общности, Великой общности, которая доверила ему быть своим Верховным жрецом, Повелителем Священного животного.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

ВСТРЕЧА,

нечаянная и нерадостная

Над тремя толстыми лесинами, сложенными сибирским костром, вился сизый дымок. Петр Петрович Лихобабенко и отец Серафим деревянными ложками хлебали наваристую уху прямо из котелка. Уха получилась знатная, и они никак не могли ею насытиться.

Профессор Солнышкин уже отужинал и теперь, как ребенок, игрался со своими карманными часами. Он только что починил их подручными средствами и был весьма доволен своей работой. Предзакатное солнце освещало эту почти идиллическую картину. Казалось, изрядно уставшие от житейских забот люди с удовольствием отдыхают на природе. Но это было далеко не так.

После таинственного исчезновения Льва Абрамовича Кениса друзья, не сговариваясь, тут же решили уходить. Они собрали нехитрые пожитки и пошли туда, где, по словам Петра Петровича, "лес был погуще, а болота поглубже". Они шли несколько дней, пока не забрались в какую-то чащобу, в которой, пожалуй, действительно, никогда не ступала нога человека. Здесь они и решили остановиться. Вырыли землянку и потихоньку зажили, благо лето было в разгаре, грибов и ягод хватало, а совсем рядом раскинулось маленькое озеро, в котором водились плотва, окунь и даже щука. За рыбалкой и беседами у костра пролетали дни...

От занятий с часами профессор Солнышкин был отвлечен тихим, но явственным шорохом. Он поднял голову и увидел что-то маленькое и прозрачное, маячившее у него перед глазами. Полагая, что это комар или нечто подобное, Николай Иванович взмахнул рукой, пытаясь уловить насекомое. Однако оно не улавливалось, а продолжало оставаться на месте, издавая странно-шелестящие звуки. Тогда Солнышкин принялся внимательнейшим образом разглядывать наглеца. И тут произошло нечто непонятное. Нахальное насекомое, продолжая так же шелестеть, в мгновение ока увеличилось в размерах и достигло величины небольшого грузовика. Это было полупрозрачное, замкнутое в виде сплюсненной сферы пространство. Сквозь него свободно просматривались не только ветви и листья деревьев, но даже перистые облака.

На секунду исходящий от сферы шорох усилился. Отец Серафим с Петром Петровичем уже хлебали уху из мятого котелка в замкнутом сферическом пространстве. А Николай Иванович, слегка приподнявшись, с изумлением озирался по сторонам. Посмотреть, правда, было на что. Сфера быстро набирала высоту, и сверху все более и более открывался прекрасный вид на окрестности.

Отец Серафим оторвался от ухи, не торопясь, огляделся и спокойно, как будто все происходящее ни в коей мере не было для него неожиданностью, сказал:

- Летим, - помолчал немного и добавил, - Петр Петрович, посмотрите, как красиво вокруг.

- Этого я что-то не замечаю, - растерянно отозвался, напрочь лишенный чувства прекрасного Лихобабенко. Забыв о еде, он положил ложку рядом с собой. Та, не задерживаясь в пределах прозрачной оболочки, полетела вниз. Вслед за ней закувыркалась ещё одна ложка и, расплескивая остатки ухи, алюминиевый котелок.

Необычный летательный аппарат двигался чрезвычайно медленно, и друзья вдоволь насмотрелись на выгоревшие леса. Когда же они достигли границ Медведихи, то и вовсе, казалось, застыли на месте. Звуки свободно доходили до невольных путешественников, но вокруг царила кладбищенская тишина, нарушаемая только скрипом сорванного взрывом рекламного щита. Со щита улыбалась стройная женщина. Её красивые бедра плотно облегли элегантные трусики в стиле "Касатик". Одна нога женщины была до черноты выжжена беспощадным огнем. Вместо лица со щита смотрела жутковатая маска с глазами-волдырями, которые вместе с обаятельной улыбкой производили впечатление упившегося кровью упыря. Неподалеку от рекламного щита на полуразрушенной стене навечно застыли две тени в милицейских фуражках. Это были заживо испарившиеся от ядерного взрыва однойцовые братья Бардельеровы, в порыве служебного долга не пожелавшие покинуть Медведиху. Они охраняли от побега мистера Хитроу, напрочь расплющенного рухнувшим в тюремный подвал железобетонным перекрытием.

Далее виднелись останки Телеграфного Столба. Уже полыхая смоляным факелом, он продолжал играть реквием, только звуки становились все более резкими и отрывистыми, напоминающими крики боли. Музыка стихла только тогда, когда перегоревший Столб надломленно склонился в сторону дома Лумумбы Ивановича Сивоглазова. Возможно, он просил прощение за мелкие ссоры и обиды, причиненные своему соседу. Но прощать его было уже некому. Лумумбу Иванович, из-за бараньего упрямства также не покинувший Медведиху, был в собственном доме застигнут всепожирающим Светом и заживо предан огненному погребению.

Сожженная и разрушенная деревня медленно проплывала перед глазами трех медведихинцев. Много не зналось. Но от того, что виделось, болью сжимались их сердца.

- Боже! Как это мы ещё живы! - невольно вырвалось у Лихобабенко, когда он смотрел на испепеленные Войной родные дома. Никто не отвечал Петру Петровичу, да он этого и не ожидал.

Занятые невеселыми мыслями собеседники не заметили, как прозрачная сфера стала быстро снижаться. Неожиданно для себя они оказались на земле совершенно свободными, как будто не были доставлены призрачным летательным аппаратом, а сами приплыли сюда по воздуху. Николай Иванович машинально взглянул на часы, которые до сих пор держал в раскрытой ладони, и оторопел. Суетливо бегущая секундная стрелка за время их перелета едва отклонилась. Часовая и минутная, казалось, застыли на месте. Путешествие, которое, как они считали, длилось несколько часов, было почти мгновенным.

Друзья стояли на странно-зеленой гальке и, все ещё не понимая, что с ними происходит, настороженно озирались вокруг. Они находились возле гряды красно-черных скал, стеной окаймляющих изумрудное морское побережье. Неподалеку от них виднелись застывшие возле утесов люди.

- Смотрите! Кто это?! - Николай Иванович Солнышкин показывал пальцем в сторону моря. Там, у самой кромки прибоя, прислонился к красному утесу маленький щуплый человечек. Он был одет в пиджачок с куцыми рукавами и брюки дудочкой, несколько вытянутые в коленях. Человечек пристально вглядывался в морскую даль.

- Это Лев Абрамович! - с радостной уверенностью произнес Лихобабенко, - Наверное, гуляет. Лев Абрамович! - закричал Петр Петрович, - Идите сюда! - он сделал несколько шагов

по направлению к человечку и в недоумении остановился, - Что это?! Я дальше не могу. Здесь какая-то стена. Её не видно. А не пройти...

- Да успокойся ты! - неожиданно рявкнул на него отец Серафим, - Я думаю, о нас скоро позаботятся...

Могучий рев заглушил последние его слова. Окатив Льва Абрамовича потоками радужных брызг, на берегу воздвиглась агатовая гора. Друзья окаменели...

Заунывно-печальная песня разлилась окрест. Кенис поднял руку, и первая группа обреченных двинулась к чудовищу. Смерть их была короткой и ужасной. Вслед за ними пошли другие. Затем ещё и ещё. Вскоре все побережье было усеяно фиолетовыми трупами.

- Ну вот, братцы, скоро и наш черед, - выдохнул отец Серафим, - Какую фиговину придумал наш друг Лев Абрамович. Жаль, я ему в свое время морду не набил. А ведь собирался...

Ответом ему было молчание. Петр Петрович Лихобабенко застыл столбом, с тоской глядя на закатно-пурпурные облака. Николай Иванович судорожно сжался и, всхлипывая, ронял слезы на зеленую гальку.

Вновь сладко-печально заплакала зовущая песня. Она тосковала и просила прощения, точно говоря, что все на свете брэнно и все равно рано или поздно придет скорбный час. Помимо своей воли трое друзей выпрямились, вытянулись струной. Настал их черед. Они медленно зашагали навстречу смерти.

Петр Петрович Лихобабенко шел, глядя перед собой сурово и непреклонно. Страшен был его вид. Чудилось, что не поздоровится тому, кто станет у него на пути. Но это был зрительный обман. Петр Петрович не видел ничего за пеленой окутавшего его дурмана и был сейчас беззащитнее малого ребенка. Николай Иванович тихо плакал и едва держался на ногах. Если бы не неведомая сила, толкавшая его вперед, он наверняка бы рухнул на зеленые камни. Только отец Серафим ещё сознавал себя. Его осмысленный, ничего хорошего не предвещающий взгляд, был направлен на спокойно стоящего Кениса.

Лев Абрамович отрешенно смотрел вдаль, когда направляемые гибельным путем друзья приблизились к нему вплотную. Крупная дрожь пробежала по телу отца Серафима. Огромным усилием воли он заставил себя остановиться, взглянул в глаза Кенису и во всю мощь своей луженой глотки заревел:

- Ну, сволочь! Сейчас посмотрим. Кто ты?! Уже дьявол или ещё человек?! - с этими словами, преодолевая сковывающую её нечеловеческую силу, рука отца Серафима судорожными рывками очертила в воздухе крест.

Дикий ли крик, исторгнутый отцом Серафимом, его горящие глаза или крестное знамение, но что-то пронзило Льва Абрамовича. Он дернулся, как от удара, и обмяк. Взгляд его из отрешенно-неземного быстро становился осмысленным. Какое-то время он смотрел на бывших своих товарищей, которых чуть было не отправил на смерть, словно не понимая, что с ним происходит. Затем глаза его заскользили по агатовому чудовищу и разбросанным тут и там фиолетовым трупам. Лицо Льва Абрамовича исказилось болью. Он присел на корточки, обхватил голову руками и закричал тонко и жалобно, как заяц, в которого вонзил острые когти хищный коршун.

Музыка прервалась. Все смешалось на берегу. Люди с ужасом смерти в глазах беспорядочно металась по хрустящей гальке. Они ударялись о невидимые стены, падали и снова вставали, кидались на скалы и срывались. Церемония жертвоприношения была прервана...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ,

последнее в жизни Льва Абрамовича Кениса

Лев Абрамович Кенис шел по центральной улице Медведихи и лучезарно улыбался теплому солнышку. В правой руке у него была кинолента с новой комедией. Он душевно здоровался с односельчанами.

- Здравствуйте, Лев Абрамович! Как вы поживаете? - весело щебетала сидящая на лавочке девичья компания.

- Хорошо, - отвечал Кенис, приветливо улыбаясь.

- А что вы несете? - продолжали допытываться милые девушки.

- Это новая кинокомедия. Очень смешная, - говорил Кенис и довольный шел дальше.

- Доброго здоровья, Лев Абрамович! - окликали Кениса братья Бардельеровы, - Мы тоже придем смотреть кино.

- Приходите. Буду очень рад, - кланялся Кенис братьям.

- Лев Абрамович! - слышался с другой стороны улицы голос Петра Петровича Лихобабенко, - вы будете вечером у Николая Ивановича? Мы с отцом Серафимом собираемся.

- К сожалению, не смогу, Петр Петрович, - сокрушенно разводил руками Кенис. - Сегодня я показываю вот эту комедию, - он протянул Лихобабенко киноленту и улыбнулся улыбкой законченного идиота...

Лев Абрамович шел по разрушенной взрывом и сожженной Медведихе. Ночь была на излете. Вместо ласкового солнца на небосводе застыла полная луна. Она мертвенным светом заливала обгорелые останки домов, красиво серебрила в одночасье поседевшую голову Кениса. В руке Лев Абрамович держал не веселую киноленту, а бельевую веревку с неумело завязанной петлей-удавкой.

После памятной встречи с отцом Серафимом Кенис, как и прежде, оказался в своей квартирке. Однако спалось Льву Абрамовичу крайне плохо. Он беспокойно ворочался с боку на бок, постоянно поглядывая на часы. Кенис боялся опоздать в дом культуры, где согласно расклеенным афишам должен был показывать новую кинокомедию. На улицу он вышел в прекрасном настроении, нисколько не удивляясь странному солнечному свету, более напоминающему лунный. По дороге он здоровался с односельчанами, вызванными из небытия его воспаленным воображением. За девушек он принял несколько обгорелых досок, чудом уцелевших во вселенском пожаре. Испарившиеся братья Бардельеровы предстали перед ним на стене, навечно запечатленными всеуничтожающим Светом. Петра Петровича Лихобабенко Кенис признал в донельзя обгоревшем обломке переломившегося пополам Телеграфного Столба.

Лев Абрамович шел твердым шагом, будучи вполне уверенным в том, что он направляется к дому культуры. Но безумные глаза его вели в обугленный бор, стволы которого чернели за Пречисто-Каменкой. Не обращая внимания на обжигающую холодную воду, Кенис перешел речку вброд. Приладил к обожженному огнем, но прочному суку веревку, полагая, что вставляет киноленту в аппарат. Оставалось пустячное дело. Для того, чтобы начался киносеанс, нужно было просто передвинуть рычажок, что Лев Абрамович и сделал. Он лягнул ножкой большой чурбан, на котором стоял. Чурбан дрогнул. Покачнулся. И неловко повалился на бок...

Черные сосны угрюмо смотрели веселый фильм. Когда картина закончилась, не было слышно аплодисментов и смеха. В зрительном зале, укрытом мрачным небосводом, царило гробовое

молчание. Комедия не удалась. Но Льву Абрамовичу не суждено было это узнать. Жертвоприношение, совершенное в мертвом лесу, было для него последним.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

СЛОВО

Ермолая Степановича Пенделя,
которому он остался верен

Утро было свежим и росным. Потоки молодого золотистого Света ласкали Землю. И Земля в благодарность за ласку дарила нарождающемуся дню цветы, удивительные и яркие. Красочным венком цветы окружали одиноко стоящий храм. Тихое умиротворяющее пение доносилось из него. Оно постепенно разрасталось, заполняя пространство серебряных сводов. В плавный поток хора вплелась струя чистого звонкого, но печального голоса. Тоскуя, он вознесся к вершинам храма, оттолкнулся от них горным эхом и помчался далеко-далеко - над девственными лесами, над хрустально-прозрачными реками и озерами. Голос пел, страдал и прощался с деревьями и травами, зверями и птицами. Он прощался с ними, благословляя их на жизнь.

Все мощнее, все ярче звучал живой поток солнца. Услышав его в храме, засветилась радуга, загорелась симфонией красок и превратилась в огромный трон, сияющий тысячами самоцветов. На троне шаг за шагом высветилась маленькая человеческая фигурка. Золотом засиял большой лоб мыслителя. Показались глаза скорбные, но всепонимающие и добрые. Блаженная улыбка осветила отрешенное лицо. В пиджачке с куцыми рукавами и брюках дудочкой на троне сгорбился застывший в золоте Лев Абрамович Кенис. Это был его храм. Храм, в котором он теперь жил.

Ермолай Степанович Пендель сдержал свое слово. Заведующий сельским домом культуры, директор огромной стройки и, наконец, висельник-самоубийца стал богом неведомых разумных, сменивших на Земле людей, покровителем наложивших на себя руки несчастных.

Оглавление

Глава первая.....	3
Глава вторая.....	5
Глава третья.....	8
Глава четвертая.....	12
Глава пятая.....	17
Глава шестая.....	20
Глава седьмая.....	24
Глава восьмая.....	27
Глава девятая.....	31
Глава десятая.....	36
Глава одиннадцатая.....	41
Глава двенадцатая.....	48
Глава тринадцатая.....	52
Глава четырнадцатая.....	55
Глава пятнадцатая.....	59
Глава шестнадцатая.....	65
Глава семнадцатая.....	71
Глава восемнадцатая.....	74
Глава девятнадцатая.....	76
Глава двадцатая.....	80
Глава двадцать первая.....	83
Глава двадцать вторая.....	86
Глава двадцать третья.....	91
Глава двадцать четвертая.....	93

Художественное издание

В. Малиновский

КАСАТИК

Все совпадения с реальными именами и событиями случайны.

Автор

Подписано в печать 20.02.2004 г. Заказ № 157.

Тираж 300 экз. Усл. печ. л. 6,0.

Отпечатано в издательстве «Золотая буква»
г. Тверь (0822) 36-63-65